ИОСИФ ФЛАВИЙ

О ДРЕВНОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

ПРОТИВ АПИОНА

DirectMEDIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Против Апиона» написано Иосифом после двух других самых значительных своих сочинений. Это позволило ему там, где необходимо, опираться на авторитет собственных трудов (в доказательстве достоверности изображения событий и правомерности исторического метода) и ссылаться на более подробные изложения требующих исследования вопросов. Однако сочинение полностью независимо и целостно, поскольку у автора была особая цель. «Иудейские древности» имели преимущественно положительное содержание и, по всей видимости, были слишком подробны и объемны для сколько-нибудь широкого круга читателей. В сочинении «Против Апиона» Иосиф решил говорить кратко, прибегнув к более действенному жанру апологии и еще точнее угадывая эллинский здравый смысл. Преимущественная древность происхождения была едва ли не единственным основанием, на котором возможно было сформировать у читателей непредвзятое отношение к соотечественникам автора. Все остальные достоинства еврейского народа гораздо скорее можно было признать при соблюдении этого условия.

«Против Апиона» — древнейшая сохранившаяся апология евреев. Сам жанр по необходимости отчетливо обнаруживает позицию автора, который открыто выступил на стороне своего народа и не сделал никаких уступок ни грекам, ни римлянам (если не считать в некоторых случаях уважительный тон по отношению к последним), ни тем более египтянам. Главная мысль проведена неуклонно и даже резко — еврейский народ изначально самобытен, его закон по всем основополагающим статьям превосходит все остальные законодательства, его понятие Единого Бога единственно верно. Это определило стройность и прямолинейность плана.

- Иосиф Флавий
  - Краткое предисловие
- Иосиф Флавий
  - Книга 1
  - Книга 2
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180

- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224

- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268

- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312

- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356

- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400

- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405

Иосиф Флавий
О древности еврейского народа. Против Апиона

Краткое предисловие

Сочинение Иосифа Флавия «О древности еврейского народа» состоит из двух книг. Только вторая из них отвечает краткому варианту названия «Против Апиона», что, однако, не помешало ему стать более употребительным для всего сочинения. Различие заглавий отражает две содержательные стороны — положительную (о всевозможных преимуществах евреев и их образа жизни) и полемическую — «против Апионов» (если последовать за самим автором и воспользоваться риторическим множественным числом).

Время написания сочинения можно установить лишь приблизительно. Несколько раз Иосиф ссылается на уже опубликованные к тому времени «Иудейские древности». К тому же автору понадобилось некоторое время, чтобы получить и осмыслить отклики на это сочинение и чтобы написать собственно «Против Апиона», что прибавляет к 93 году по меньшей мере еще около двух лет. Если бы менее вероятное оказалось неопровержимо доказанным, — что Эпафродит, которому Иосиф посвятил свое сочинение, был тем самым вольноотпущенником Нерона, казненным в 95 году, — вопрос о датировке был бы разрешен. Однако большинство исследователей считают адресатом автора Эпафродита грамматика, о судьбе которого неизвестно никакой определенной временем подробности.

«Против Апиона» написано Иосифом после двух других самых значительных своих сочинений. Это позволило ему там, где необходимо, опираться на авторитет собственных трудов (в доказательстве достоверности изображения событий и правомерности исторического метода) и ссылаться на более подробные изложения требующих исследования вопросов. Однако сочинение полностью независимо и целостно, поскольку у автора была особая цель. «Иудейские древности» имели преимущественно положительное содержание и, по всей видимости, были слишком подробны и объемны для сколько-нибудь широкого круга читателей. В сочинении «Против Апиона» Иосиф решил говорить кратко, прибегнув к более действенному жанру апологии и еще точнее угадывая эллинский здравый смысл. Преимущественная древность происхождения была едва ли не единственным основанием, на котором возможно было сформировать у читателей непредвзятое отношение к соотечественникам автора. Все остальные достоинства еврейского

народа гораздо скорее можно было признать при соблюдении этого условия.

О том, какова непосредственная причина написания этого сочинения, и вообще была ли она, — ничего не известно. Сам Иосиф говорит об этом с неопределенностью: «некоторые не доверяют тому, что сказано мною о древности». На фоне внешне невыгодных для евреев особенностей их замкнутого образа жизни и культа, которые в конце концов не могли не выражаться во враждебных Риму действиях, естественно предположить оживленное обсуждение еврейского вопроса среди людей, имевших политическое и интеллектуальное влияние. Этими «некоторыми» могли быть не только подобные Эпафродиту люди, но и amici imperatoris, к которым сам автор не принадлежал, но мог достигнуть их своим сочинением. К тому же греческий язык, на котором писал Иосиф, мог существенно расширить читательскую аудиторию и делал сочинение доступным не только образованным римлянам, но «всем, кто желает знать истину».

«Против Апиона» была не первой апологией евреев. По всей видимости, Филон написал даже не одно сочинение, специально посвященное этой теме. Однако Иосиф нигде о работах своего предшественника не упоминает, также как и о других доступных эллински образованному читателю сочинениях, в которых не преследовались исключительно апологетические цели, но проповедовались преимущества образа жизни евреев и их культа (еврейская часть Сивиллиных книг, «Послание Аристея», «Нравоучительная поэма» Фокиллида и другие).

Таким образом, «Против Апиона» — древнейшая сохранившаяся апология евреев. Сам жанр по необходимости отчетливо обнаруживает позицию автора, который открыто выступил на стороне своего народа и не сделал никаких уступок ни грекам, ни римлянам (если не считать в некоторых случаях уважительный тон по отношению к последним), ни тем более египтянам. Главная мысль проведена неуклонно и даже резко — еврейский народ изначально самобытен, его закон по всем основополагающим статьям превосходит все остальные законодательства, его понятие Единого Бога единственно верно. Это определило стройность и прямолинейность плана.

I книга

1. Вступление.

2–5. Критика греческой исторической традиции.

6–8. Еврейская историческая традиция.

9—10. Достоверность и принципы изложения истории автора.

11–13. Первоначальный итог. Необходимость обращения к негреческим источникам.

14–16. Свидетельство Манефона и подсчет времени.

17–21. Финикийские источники (Дий, Менандр Эфесский). Беросс. Подсчет времени.

22–23. Греческие свидетельства (Гермшш, Феофраст, Геродот, Хирил, Клеарх, Гекатей, Агатархид и др.).

24–35. Разоблачение клеветы об изгнании евреев из Египта (Манефон, Херемон, Лисимах).

II книга

1—13. Против Апиона.

14–32. Об иудейском законе и образе жизни в сравнении с другими народами.

33–38. Иудейское понятие о божестве в сравнении с эллинским. О соблюдении собственных законов евреями и эллинами.

39–41. Выводы о преимуществе иудейского закона. Итог всего сочинения.

О воздействии, оказанном сочинением Иосифа на современное ему положение дел, ничего не известно. Несомненно, автор тем самым во многом оправдался от возможной вины перед своим народом. Ему удалось с неопровержимой логикой ввести еврейский народ в контекст обозримой истории, и даже более того: в «Против Апиона» им предпринята одна из первоначальных попыток извне убедить просвещенное язычество в его заданном кризисе через противопоставление монотеистической религии евреев политеизму эллинского мира. Неслучайно развернутая тема понятий о божестве звучит как итог рассуждения о преимуществе иудейского закона. Иосиф говорил при этом по-гречески и адаптировал своеобычное иудейское содержание к языку, понятному просвещенным язычникам (напр., употребление слова filosofia, неологизм qeokratia и др.) В том же положении находились и раннехристианские апологеты, с сочинениями которых «Против Апиона» местами почти дословно созвучно.

Текст сохранен несколькими манускриптами, наиболее авторитетные из которых: Codex Laurentianus plut. 69 cod. 22 (с которого, по предположению Niese, были сделаны все остальные копии); versio Latina (codex Bodleianus Canonicianus № 148; codex Laurentianus plut. LXVI cod. 2; codex Corsinianus № 839), в которой сохранился отсутствующий в греческом тексте отрывок II. 52—113. Также сохранились значительные выдержки у Евсевия в «Praep. euang.», в латинском переводе «Хроники», у Феофила Антиохийского. Для воссоздания текста также имеет большое значение editio princeps, где, по всей видимости, были учтены не доступные в настоящее время манускрипты.

На русский язык сочинение переводилось несколько раз. Существует старинный перевод, сделанный П. В. Ждановым и напечатанный вместе с «Иудейскими древностями» (т. III, первое издание, СПб, 1783). Частично сочинение переведено А. Пумпянским (Приложение к Гакармелю, 1860). Полный перевод и основательнейший комментарий был издан Я. И. Израэльсоном и Г. Г. Генкелем (Флавий Иосиф. О древности иудейского народа. Против Апиона. СПб., 1895). При подготовке настоящего издания принято во внимание большее число разночтений, примечания учитывают достижения последних комментированных изданий, использована последняя литература по истолкованию реалий и критике текста. Для удобства работы с текстом наряду с номером главы указан соответствующий параграф по общепринятой пагинации издания Niese.

«А. В. Вдовиченко»

Иосиф Флавий
О древности еврейского народа

Книга 1
О древности еврейского народа[1]

1. Я полагаю, достойнейший из людей Эпафродит[2], что уже в сочинении «О древностях», которое обнимает события пятитысячелетней истории и по нашим священным книгам составлено мною на греческом языке, я достаточно ясно — для тех, кто обратится к нему, изложил вопрос о нашем еврейском народе — о том, что он весьма древний и что изначально самобытен, а также о том, как населил он страну, в которой мы живем и поныне[3]. Однако, поскольку я замечаю, что многие, не доверяя тому, что сказано мною о древностях, прислушиваются к злобной клевете, не без умысла распространяемой некоторыми, и доказательство молодости нашего народа видят в том, что у наиболее авторитетных эллинских историков он не удостоен ни единого упоминания, я подумал, что следует вкратце об этом написать — изобличить тем самым нападки одних в злонамеренности и лжи, других образумить в их неведении, и всем, кто желает знать истину, разъяснить вопрос о нашей древности. Засвидетельствовать истинность моих слов я призову только тех писателей, которые безупречны в отношении всякой древности и которым, по мнению эллинов, более всего можно доверять, а тех, кто в своих сочинениях лгал и клеветал на нас, я представлю самих же себя изобличающими. Также я попытаюсь установить причины, вследствие которых немногие из эллинов в своих исторических сочинениях упомянули о нашем народе, а кроме того и свидетельства писателей, не оставивших без внимания нашу историю, я предоставлю тем, кто с ними не знаком или делает вид, что о них не знает.

2. (6) Прежде всего меня крайне удивляют все те, кто считает, будто относительно древнейших событий следует обращаться к одним только эллинам, только их вопрошать об истине, а нам и другим народам не верить. Ибо я вижу, что в действительности все оборачивается прямо противоположным, если предварительно согласиться с тем, что не следует доверяться пустым предположениям, но из самих событий уяснять истинное положение дел. Здесь-то и обнаруживается, что у эллинов все ново и, как говорится, случилось на днях[4] — я имею в виду основание городов, изобретение ремесел и написание законов. При этом едва ли не самое молодое у них — само дело летописания. А между тем за египтянами, халдеями и финикиянами (нас я пока к ним не причисляю) сами они с

несомненностью признают весьма древнее и непрерывное летописное предание. Ибо эти народы населяют местность, менее всего подверженную разрушительному действию природных условий, и кроме того немалые усилия они приложили к тому, чтобы никакое событие не предавалось забвению, но в общественных записях[5] увековечивалось наимудрейшими. Местность же, в которой расположена Эллада, подвергалась бесчисленному множеству разрушительных природных воздействий[6], которые изглаживали память о случившемся. И всякий раз, заново пересматривая события, каждый из них считал, что с его поколения все и начинается. К тому же поздно и не без труда усвоили они саму науку письма[7] Потому-то все те, кто желает доказать преимущественную древность в использовании его, заявляют, что научены этому от финикиян и Кадма. Однако никто не может указать ни единой надписи, сохранившейся хотя бы с того самого времени — ни в храмах, ни на общественных пожертвованиях, и даже о тех, кто в продолжение стольких лет воевал под Троей, впоследствии встал весьма трудно разрешимый вопрос, пользовались ли они буквами[8] При этом настоящее положение вещей скорее говорит за то, что они не знали их современного применения. Вообще же у эллинов нет ни единого достоверного письменного памятника, который был бы старше произведений Гомера. Однако он родился, по всей видимости, уже после троянских событий и, как говорят, сам не записывал своих поэм, но они передавались по памяти и затем были восстановлены из песен, вследствие чего в них и появились многочисленные разночтения[9] К тому же самые ранние попытки написания истории — я имею в виду Кадма Милетского[10], Акусилая Аргосского[11] и некоторых других, которые, как говорят, жили после него, — не на много опередили по времени вторжение персов в Элладу. Впрочем, и что касается первых эллинских философов, рассуждавших о небесном[12] и божественном, как-то: Ферекид Сиросец[13], Пифагор[14] и Фалес[15], — все единодушно признают, что они были учениками египтян и халдеев и что написали мало. Именно этому эллины и приписывают наибольшую древность, причем им самим с трудом верится, что эти сочинения действительно написаны ими.

3. (15) А потому имеет ли смысл обманывать себя, признавая, что одним только эллинам известны события глубокой древности и что только они сообщают о них достоверные сведения? И неужто так сложно понять, что эти люди писали не зная ничего доподлинно, но каждый о случившемся только догадывался? Именно поэтому в своих книгах они зачастую опровергают друг друга и, ничуть не смущаясь, говорят о событиях прямо

противоположное. Излишним было бы напоминать тем, кто и без того знает лучше, чем я, насколько Гелланик[16] противоречит Акусилаю в изложении родословий, сколь многочисленные поправки к Гесиоду[17] делает Акусилай, или как Эфор[18] в большинстве случаев уличает во лжи Гелланика, Тимей[19] — Эфора, а Тимея — те, кто жил после него, и все — Геродота. И даже свою историю Сицилии Тимей не удосужился привести в соответствие с тем, что написано Антиохом[20], Филистом[21] или Каллием[22], а также и авторы Атфид[23] в изложении истории Аттики или историки Аргоса в отношении аргосских событий не согласны друг с другом. И что же тогда говорить о менее значительных авторах историй отдельных городов, если даже наиболее авторитетные расходятся в изложении событий персидской войны? Даже Фукидида обвиняют в многочисленных отступлениях от истины, хотя уж он-то, казалось бы, должен был в точности воспроизводить современные ему события.

4. (19) Возможно, тем, кто имеет желание исследовать этот вопрос, откроется множество и других причин подобных разногласий, но я придаю наибольшее значение совокупности двух. Первая представляется мне наиболее важной, а именно: эллинами изначально не уделялось должного внимания тому, чтобы повсеместно о происходящих событиях велись общественные записи. Именно это более всего повлекло за собой ошибки и дало возможность вводить в заблуждение тем, кто впоследствии пожелал что-либо написать о древности. Ведь не только все прочие эллины не позаботились о таких записях, но даже у афинян, которые считаются коренным населением и заботятся о просвещении, ничего подобного нет, а самыми древними из общественных надписей они считают законы о смертных преступлениях, написанные для них Драконтом[24], который жил немногим ранее тирана Писистрата[25]. Что уж тогда и говорить о жителях Аркадии, похваляющихся своей древностью[26]? Они-то и письму едва ли обучились сразу после этого.

5. (23) Именно вследствие того, что не осталось ни единой записи, которая могла бы научить любознательных и изобличить лжецов, и возникли многочисленные разногласия у историков. К этому следует присовокупить и другую причину, а именно. Те, кто брался писать, заботились не об истинности, хотя это естественное требование ко всякому повествованию, но старались показать силу своего красноречия. И каким способом они задумали превзойти в этом всех остальных[27], таким и пользовались — одни обращались к баснословным вымыслам, другие прославляли города и царей им в угоду, иные же ругали

сами события и писавших о них, считая, что более прославятся этим. По большому счету они занимались делом, более всего чуждым истории. Ведь доказательством исторической истинности служит то, когда об одних и тех же событиях разные люди одно и то же пишут или говорят. Однако они считали, что если напишут о том же самом как-нибудь иначе, то тем скорее прослывут самыми правдивыми. А потому нам следует признавать первенство эллинских историков в силе красноречия и изощренности в словах, но никак не в правдивости изложения древней истории, тем более местных событий или истории каждого народа в отдельности.

6. (28) Поскольку все без исключения признают, что у египтян и вавилонян с незапамятных времен большое внимание уделялось ведению летописей, причем у египтян заниматься этим было поручено жрецам, которые к тому же сопровождали записи философскими размышлениями, а у вавилонян эта обязанность была возложена на халдеев[28], и что среди народов, соприкасавшихся с эллинами, более всего финикияне использовали записи для ведения хозяйства и для передачи общественно значимых событий — об этом, я считаю, можно не говорить. О наших же предках, что столь же ревностную (уж и не говорю о том, что большую, чем вышеназванные народы) заботу проявили они о записях, поручая вести их первосвященникам и пророкам[29], и что эти записи и поныне хранятся со всей тщательностью и — возьму на себя смелость сказать: будут сохранены, — я попытаюсь вкратце изложить.

7. (30) Они не только с самого начала приставили к этому делу лучших и всецело преданных служению Богу людей, но и позаботились о чистоте и несмешанности священнического рода[30]. Ведь всякому причастному к священству должно производить потомство от женщины из своего рода и не взирать ни на ее богатство, ни на какие другие преимущества, но со всей тщательностью исследовать ее родословную, с тем чтобы установить преемственность по архивным записям[31] и на основании многочисленных доказательств убедиться в ее непрерывности. И так поступаем мы не только в самой Иудее, но повсюду, где только существуют у нашего народа колонии, везде в точности исполняются для священников правила о браках, — я имею в виду живущих в Египте, Вавилоне или в каких-то других местах, где проживают представители священнического рода, рассеянные по различным частям ойкумены. Они составляют и отсылают в Иерусалим списки родственников и их предков со стороны отца, а также тех, кто это засвидетельствовал. Если же бывает война, как это уже случалось не раз — при вторжении в

страну Антиоха Епифана[32], Помпея Магна[33] и Квинтилия Вара[34], и в особенности уже в наше время[35], — то оставшиеся в живых священники заново составляют списки на основании древних архивных записей[36] и удостоверяют по ним уцелевших женщин. Ибо с теми из них, которые побывали в плену, они уже не сочетаются браком, предполагая зачастую случающееся у них смешение с иноплеменниками[37]. А самым главным доказательством нашей тщательности в этом вопросе является то, что на протяжении двух тысяч лет[38] все первосвященники у нас поименно заносились в списки от отца к сыну. Если же кто-то из них позволяет себе отступить от указанных предписаний, ему не разрешается ни приступать к жертвоприношениям, ни участвовать в других священнодействиях. А потому само собой разумеется, и более того — с необходимостью из этого следует, — раз никто не имеет права вносить в списки что-либо от себя и в написанном не бывает никаких разногласий, но только у пророков с достоверностью переданы самые отдаленные события глубокой древности, как они были, частью записанные по божественному вдохновению, частью — ими самими[39], — то (8) у нас не великое множество книг, которые не согласовывались бы между собой и противоречили друг другу, а только двадцать две, содержащие летопись всех событий нашей истории, и они по справедливости почитаются боговдохновенными. Пять из них — книги Моисея, которые содержат законы и историческое предание от сотворения человека до смерти Моисея. Этот период времени составляет почти три тысячи лет. От смерти Моисея до царствования персидского царя Артаксеркса[40], преемника Ксеркса, жившие после Моисея пророки составили еще тринадцать книг[41] с изложением событий. Остальные четыре книги[42] содержат песнопения Богу и наставления людям в их повседневной жизни. От Артаксеркса и доныне также написано несколько книг, но они не столь же достоверны, как предыдущие, поскольку не существует строго установленной преемственности пророков[43]. Нетрудно догадаться, насколько мы доверяем своим книгам, если в них на протяжении стольких лет никто не посмел ни прибавить, ни изъять, ни изменить (Втор 4.2) что-либо. Каждому еврею от самого рождения полагается почитать единые для всех божественные предписания, быть верными им, и, если понадобится, с готовностью за них умереть. Так, уже не раз можно было видеть, как множество пленников в театрах претерпевали пытки и другие всевозможные виды смерти только ради того, чтобы ни единого слова не произнести вопреки законам или другим нашим священным книгам[44]. Кто из эллинов ради этого смог бы такое пережить? И даже ради того, чтобы все

имеющиеся у них сочинения не погибли, кто из них стал бы переносить такие мучения? Ибо свои книги они почитают всего лишь словами, написанными по произволению их авторов. Не без оснований они придерживаются такого мнения и относительно более древних писателей, поскольку видят, что некоторые из современных берутся писать о том, чего не только своими глазами не видели, но даже не потрудились расспросить об этом очевидцев. Разумеется, и о шедшей недавно войне некоторые писатели составили себе представление, хотя в тех местах даже и не побывали и уж тем более не присутствовали при самих событиях; при этом они весьма нескромно называют свои сочинения историей[45], хотя составили их по недостоверным слухам.

9. (47) Я же и в целом о войне, и об отдельных ее событиях написал правдивое повествование, будучи сам свидетелем происходящего. Ведь пока возможно было сопротивление, я предводительствовал галилеянами, как называют их у нас, а затем был схвачен римлянами и попал в плен. Веспасиан и Тит заключили меня под стражу и постоянно держали при себе поначалу в качестве узника[46], но затем я был снова освобожден и направлен сопровождать Тита при осаде Иерусалима[47]. Ни одно событие того времени не прошло мимо меня. Я видел все, что происходило в римском лагере, вел подробные записи, и только я понимал то, что рассказывали перебежчики. Затем в Риме, когда все материалы были у меня уже подготовлены, употребив на это часы досуга, я воспользовался услугами нескольких помощников в греческом языке и составил последовательное изложение событий[48]. Я был настолько убежден в достоверности написанного, что прежде всего призвал подтвердить истинность моих слов Веспасиана и Тита, которые были главнокомандующими в этой войне. Они первыми получили от меня эти книги[49]. И вслед за тем многим римлянам, участвовавшим в войне, я стал продавать их, и многим из евреев, а также и людям не чуждым эллинской образованности, среди которых Юлий Архелай[50], знаменитый Герод[51] и сам достойный восхищения царь Агриппа[52]. Все они засвидетельствовали, что я в точности придерживался истины, и они не стали бы скрывать или умалчивать, если бы по незнанию или кому-то в угоду я исказил бы или опустил что-нибудь из происходивших событий.

10. (53) Какие-то негодные люди принялись клеветать на мою историю, словно полагая, что им, как в школе юнцам, задано поупражняться в произнесении обвинительных речей[53]. Им следует учесть, что тот, кто собирается передать другим правду об изображаемых событиях, прежде всего сам должен в точности

знать о случившемся — либо будучи сам непосредственно свидетелем событий, либо расспрашивая о них людей знающих. Я считаю, что в обоих моих трудах я так и поступил. Моя работа над сочинением «О древностях» заключалась в переводе из книг Священного Писания[54]. Ведь и сам я принадлежу к священническому роду и причастен той мудрости, которая содержится в них. Историю же иудейской войны я написал, будучи многих событий участником, и еще более многочисленных — очевидцем. Вообще из сказанного мною о тех событиях нет ничего, о чем я не знал бы доподлинно. Можно ли в таком случае не почесть за дерзость старания тех, кто взялся обвинять меня в искажении истины? Пусть даже они говорят, что познакомились с воспоминаниями императоров[55], — все равно они не присутствовали при тех событиях, которые известны лишь нам, воевавшим на противоположной стороне.

11. (57) Итак, я сделал вынужденное отступление об этом, желая показать необоснованность притязаний всех тех, которые заявляют о себе, что пишут историю. Я считаю, что вполне убедительно доказал, что сама летопись минувших событий древнее у варваров, чем у эллинов, и теперь первым делом я хочу в нескольких словах обратиться к тем, кто отказывает нам в древности на том основании, что о нас, как они утверждают, ничего не сказано у эллинских писателей. А затем я приведу свидетельства из написанного у других народов и докажу, что клеветники весьма не последовательны в своей клевете.

12. (60) Страна, которую мы населяем, расположена не на побережье, и мы не одобряем занятие торговлей и возникающее вследствие этого общение с другими народами. Наши города расположены в отдалении от моря, а в окрестностях земля, на которой мы живем, благодатная, и мы с усердием возделываем ее. Более же всего мы заботимся о воспитании детей, о сохранении законов, и наиважнейшим делом всей нашей жизни почитаем соблюдение в соответствии с ними исконного благочестия. Если же помимо сказанного принять во внимание и другие особенности нашего образа жизни, то станет ясно, что в древнейшие времена у нас не было ни единого повода вступать в общение с эллинами, — в отличие, например, от египтян, которые привозили от них и везли к ним свои товары, или от жителей побережья Финикии с их деловитостью и страстью к торговле, происходящей от свойственной им жажды приобретения. И никогда наши предки, в отличие от некоторых других, не занимались разбоем и грабежом[56], и не стремились воевать ради наживы, хотя в стране нашей людей, не лишенных отваги, великое множество. Так, финикияне, преодолевая по

морю огромные расстояния, сами по торговым надобностям заплывали к эллинам и потому стали им известны, а через них — египтяне, и все те, от кого они доставляли эллинам товары. Мидийцы же, и затем персы заявили о себе завоеванием Азии, а последние предприняли даже поход на другой материк. Фракийцы стали известны эллинам по причине соседства, а о скифах они узнали от тех, кто плавал в Понт. Вообще получилось так, что все жители побережий — на востоке или на западе — тем, кто имел желание что-либо написать, были известны лучше. А население областей, удаленных от моря, по большей части оказалось в безвестности. Как видно, то же самое происходило и в Европе, если о городе Риме, который с незапамятных времен приобрел такое могущество и прославился в войнах деяниями столь великими, не упомянули ни Геродот, ни Фукидид, и ни один из их современников, но сведения о нем дошли до эллинов лишь многим позднее[57]. О галлах и иберах настолько мало было известно тем, которые мнили себя правдивейшими писателями, что Эфор, один из них, полагал, будто иберы — это единый город, в то время как они населяют весьма обширную область на западе, а также и те, кто вздумал писать о каких-то неслыханных и несуществующих у них обычаях, как будто те по ним живут. Причина незнания об образе жизни этих народов в их обособленности, а сообщения о них недостоверных сведений — в желании историков казаться более осведомленными, чем остальные. Стоит ли удивляться, что наш народ большинству из них оставался неизвестным и что писателям он не дал повода к упоминанию о себе, поскольку проживает в таком удалении от моря и избрал для себя именно такой образ жизни?

13. (69) Давайте тогда и мы применительно к эллинам воспользуемся тем же доводом и скажем, что их народ совсем не древнего происхождения, поскольку в наших письменных источниках о нем ни слова не говорится[58]. Разве не станут они смеяться и приводить, как мне кажется, те же самые доказательства, какие и я только что изложил, и брать в свидетели своей древности соседние народы? Именно так я и поступаю. Прежде всего я воспользуюсь свидетельствами египтян и финикиян, чтобы никто не смог заподозрить меня в обмане, поскольку все без исключения египтяне, а из финикиян, как известно, тиряне особенно враждебно настроены против нас. В отношении халдеев я, пожалуй, того же сказать не могу, поскольку они-то и стали родоначальниками нашего народа и по причине общности происхождения в своих письменных памятниках упоминают о евреях[59]. Сначала я приведу свидетельства этих народов, а потом и среди эллинских

историков укажу тех, кто упомянул о евреях, чтобы у клеветников более не оставалось никаких оснований для упреков в нашу сторону.

14. (73) Я начну с египетской письменности. Подлинников документов привести невозможно, однако некий муж по имени Манефон[60], египтянин по происхождению, получил, как известно, эллинское образование и написал на греческом языке древнейшую историю Египта. Для этого, как сам он утверждает, он делал переводы из священных книг и во многом опроверг Геродота, который по незнанию о египетских событиях сообщил ложные сведения. Так вот тот самый Манефон во второй книге истории Египта пишет о нас следующее (я передаю его собственные слова, как бы предоставляя ему самому выступать свидетелем)[61]: (75) «Был у нас царь по имени Тимаос[62]. В его царствие бог, неведомо мне почему, прогневался, и нежданно из восточных стран люди происхождения бесславного, дерзкие, напали на страну и без сражений легко овладели ею. И властителей ее покорив, они безжалостно предали города огню и святилища богов разрушили. А с жителями поступали бесчеловечно жестоко — одних убивали, а детей и жен других уводили в рабство. Наконец, и царем они сделали одного из своих, имя его Силатис[63]. Он обосновался в Мемфисе, верхнюю и нижнюю земли обложил данью и разместил вооруженные отряды в наиболее подходящих местах. В особенности он позаботился о безопасности восточных земель, предвидя возможность вторжения ассирийцев в его царство. Найдя в Сетроитском[64] номе на востоке от реки Бубастит весьма удобно расположенный город, который по древнему религиозному сказанию назывался Аварис[65], он отстроил его, укрепил неприступной стеной и разместил в нем многочисленный отряд, состоявший из двухсот сорока тысяч воинов. Он отправлялся туда летом, чтобы доставлять продовольствие и денежное содержание и приучать войско к постоянной бдительности ввиду опасности нападения соседей. Он умер, царствовав девятнадцать лет. За ним другой, по имени Бнон[66], правил сорок четыре года, за ним еще один — Апахнас[67] — тридцать шесть лет и семь месяцев. Затем Апофис[68] — шестьдесят один год, Иаииас[69] — пятьдесят лет и один месяц, и еще Ассис[70] сорок девять лет и два месяца. Эти шестеро были у них первыми царями, они постоянно воевали и хотели полностью искоренить население Египта. Все их племя называлось Гиксос, то есть «цари-пастухи», потому что «ГИК» на священном языке означает «царь», а «СОС» — «пастух» и «пастухи» в просторечном языке. Если же составить их вместе, получается «ГИКСОС»[71]. Некоторые говорят, что они по происхождению арабы». (83) В

другом же списке[72] слово «ГИК» обозначает не «цари», а «пленники», и получается совсем наоборот — «пленные пастухи», поскольку слово «ГИК» на египетском языке, так же как и «ГАК» с густым придыханием, имеет значение «пленники»[73]. И это представляется мне более вероятным и имеет больше отношения к древнейшей истории. (84) «Эти вышеназванные цари из так называемых пастухов, — говорит Манефон, — а также их преемники властвовали над Египтом пятьсот одиннадцать лет. Затем, — говорит он, — против пастухов восстал царь Фив и цари других египетских земель[74], и вели с ними жестокую многолетнюю войну. В правление царя по имени Мисфрагмутос[75] пастухи стали терпеть неудачи и повсюду из Египта были изгнаны, но закрепились в одном месте, имевшем десять тысяч арур[76] в окружном измерении. Оно называется Аварис. Пастухи, — говорит Манефон, — со всех сторон обнесли его высокой мощной стеной, чтобы надежно укрыть свое имение и награбленную добычу. Сын Мисфрагмутоса Туммос[77] во главе войска из четырехсот восьмидесяти тысяч человек осадил город и попытался взять его штурмом. Но затем, отчаявшись в успехе, он отказался от осады и заключил с ними договор, по которому все они должны были оставить Египет и в полной безопасности для себя удалиться, куда пожелают. И те, по условию договора, со своими семьями и имуществом числом не менее двухсот сорока тысяч направились через пустыню в Сирию. Но, испытывая страх перед могуществом ассирийцев (а они тогда господствовали над Азией), в месте, называемом теперь Иудея, они основали город, способный вместить великое множество жителей, и назвали его Иерусалим»[78]. (91) В другой книге «Истории Египта» Манефон говорит, что тот самый народ, так называемые «пастухи», именуется в их священных книгах пленниками, и здесь он прав, поскольку для наших далеких предков исконным занятием было пастушество, они вели кочевую жизнь и назывались поэтому пастухами. Также не без основания египтяне называли их пленниками, потому что прародитель наш Иосиф сам говорил египетскому царю, что он пленник, и он же впоследствии с разрешения царя призвал в Египет своих братьев (Быт **40**.15). Однако об этой истории я расскажу в другом месте более подробно.

15. (93) А пока я беру египтян в свидетели нашей древности. Потому я снова обращаюсь к словам Манефона, в которых он устанавливает последовательность событий во времени. (94) Он говорит так: «Когда пастушеский народ ушел в Иерусалим, изгнавший их из Египта царь Тетмос[79] царствовал после того двадцать пять лет и четыре месяца и потом умер. Ему

унаследовал его сын Хеврон[80] и царствовал тринадцать лет. После него — Аменофис[81] — двадцать лет и семь месяцев; его сестра Амесса[82] — двадцать один год и девять месяцев. Затем Мефрес[83] — двенадцать лет и девять месяцев. Затем Мифрамутос[84] — двадцать пять лет и десять месяцев. Затем Тмосис[85] — девять лет и восемь месяцев. Затем Аменофис[86] — тридцать лет и десять месяцев, затем Орос[87] — тридцать шесть лет и пять месяцев, затем его дочь Акенхер[88] — двенадцать лет и один месяц. Затем Ратотис, ее брат, девять лет. Затем Акенхер двенадцать лет и три месяца. Затем Армаис[89] — четыре года и один месяц. Затем Рамесс[90] — один год и четыре месяца. Затем Армесс Миаммун — шестьдесят шесть лет и два месяца. Затем Аменофис[91] — девятнадцать лет и шесть месяцев. (98) Затем Сетос, он же Рамесс[92], — у которого были сильные конница и флот. Он назначил правителем своего брата Армаиса и наделил его всеми царскими полномочиями, повелев лишь не надевать царский венец, не обижать царицу, мать его детей, и воздерживаться от остальных царских наложниц. А сам пошел войной против Кипра, Финикии и далее на ассирийцев и мидян. Одних он подчинил своей власти силой оружия, других — без боя, повергая лишь в ужас своей несметной силой. Воодушевленный успехами, он еще решительнее стал продвигаться вперед, завоевывая города и области на востоке. Прошло немало времени, и оставленный в Египте Армаис осмелел и во всем стал поступать прямо противоположно тому, как повелевал брат. Он совершил насилие над царицей, жестоко обходился с другими наложницами, поддавшись на уговоры друзей, стал надевать царский венец и, наконец, восстал на брата. Но верховный жрец Египта послал Сетосу письмо, в котором сообщил, что брат восстал на него, а также оповестил и обо всем остальном. Тот немедленно возвратился в Пелузий и овладел собственным царством. Страна же получила название Египет по его имени, поскольку Сетоса, как говорят, звали Египтом, а брата его Армаиса — Данаем»[93].

16. (103) Так говорит Манефон. Если произвести подсчет времени по указанным у него годам, то выясняется, что так называемые пастухи, они же наши предки, покинув Египет, поселились в своей земле за триста девяносто три года[94] до прибытия Даная в Аргос, однако, не взирая на то, аргивяне считают его самым древним. Как бы то ни было, Манефон на основании сведений египетских источников предоставляет нам два самых важных свидетельства: во-первых, прибытие в Египет из другой страны и, во-вторых, переселение оттуда, которое произошло настолько давно, что почти на тысячу лет[95] опережает

события Троянской войны. Что же касается сведений, изложенных Манефоном не по египетским источникам, а взятым, по его же признанию, из недостоверных сказаний, то все это я намереваюсь опровергнуть впоследствии, чтобы доказать неубедительность и лживость подобных сообщений.

17. (106) А пока я хочу обратиться к тому, что написано о нашем народе у финикиян, и привести их свидетельства. У тирян существуют многовековые государственные летописи, хранившиеся с большой тщательностью, которые повествуют обо всех достопамятных событиях, происходивших между ними и другими народами. В них сказано, что Иерусалимский храм был построен царем Соломоном за сто сорок три года и восемь месяцев до основания Карфагена тирянами, и там же приводится описание того, как строился наш храм. Ведь тирский царь Хиром[96] был другом царя нашего Соломона, поддерживая с ним давнюю дружбу, начатую еще его отцом. Соперничая с Соломоном в великолепии украшения храма, он сам дал сто двадцать талантов золотом, а также приказал нарубить лучшей древесины на горе Ливан и прислал ее для покройки крыши (3Цар. **5**:6—10, 9:14). За это Соломон в числе прочих многочисленных даров отдал ему землю в области Галилейской, называемую Хавулон (3Цар **9**.11–13. См. тж. Antiquit. VIII. 5.3). Но более всего их объединяла любовь к мудрости. Они обменивались письмами[97] и советовались друг с другом в разрешении различных вопросов. Соломон всегда в этом превосходил его и был более мудрым в отношении всего остального. И поныне у тирян хранится множество писем, которые они посылали друг другу. А что в рассказе о тирских летописях нет ничего мною вымышленного, я приведу свидетельство Дия[98], который по общему признанию был основательным знатоком финикийской истории. В книгах об истории Финикии он пишет так: «Когда умер Абибал, стал царствовать сын его Хиром. С восточной стороны города он насыпал вал и таким образом расширил его. Храм Зевса Олимпийского, стоявший особняком на острове, он соединил с городом, засыпав землей отделявшее его пространство, и украсил храм золотыми дарами. Он поднялся на гору Ливан и приказал рубить лес для отделки храмов. Говорят, что царствовавший в Иерусалиме Соломон посылал Хирому загадки и желал также получать их от него, чтобы тот, кто не сможет отгадать, платил бы отгадавшему деньги. И Хиром, согласившись на это, не сумел отгадать и заплатил по уговору за это много денег. Но затем якобы некий Авдимон Тирянин разгадал предложенные ранее загадки и сам загадал такие, которые уже Соломон отгадать не смог и заплатил за это Хирому намного больше». Таково

свидетельство Дия о царях, о которых я прежде упомянул.

18. (116) К этому я прибавлю и свидетельство Менандра Эфесского[99], который написал летопись событий у эллинов и варваров при каждом из царей по отдельности. При этом он тщательно изучил историю их царствий по местным источникам. Говоря о тех, кто царствовал в Тире, и затем переходя к рассказу о времени Хирома, он говорит следующее: «После смерти Абибала царский престол унаследовал его сын Хиром, который прожил пятьдесят три года и царствовал из них тридцать четыре года. Он засыпал землей и разровнял место, называемое Эврихор[100], поместил в храме Зевса золотую колонну[101], а также на горе, называемой Ливан, приказал нарубить кедровых деревьев для покройки крыш храмов и, разрушив старые храмы, построил новые; Гераклу и Астарте он посвятил участок земли и в месяце Перитии[102] воздвиг сперва святилище Геракла, а затем — и святилище Астарты. Тогда же он пошел войной на итакийцев[103], не желавших платить дань, усмирил их и снова подчинил своему владычеству. При нем был некто Авдимон, малолетний ребенок, который одерживал верх, отвечая на все затруднительные вопросы, которые предлагал ему Соломон, царь Иерусалимский». А промежуток времени от этого царя до основания Карфагена исчисляется у него следующим образом: «После смерти Хирома царский престол унаследовал сын Валеазар, который прожил сорок три года и царствовал семь лет. За ним сын его Абдастрат, который прожил двадцать девять лет и царствовал девять лет. Его погубили четверо его сыновей, составивших заговор. Старший из них царствовал двенадцать лет. Метусастарт[104] Делеастарт прожил пятьдесят четыре года и правил двенадцать лет. После него его брат Астарим[105] прожил пятьдесят четыре года и царствовал девять лет. Он был убит своим братом Фелитом, который, захватив власть, правил восемь месяцев и прожил всего пятьдесят лет. Его убил Итобал, жрец Астарты, который царствовал тридцать два года и прожил шестьдесят восемь лет. Ему унаследовал Бадезор[106], который прожил сорок пять лет и царствовал из них шесть лет. Его преемником стал его сын Меттен, который прожил тридцать два года и царствовал девять лет. Его преемником стал Пигмалион[107], проживший пятьдесят шесть лет и царствовавший сорок семь лет. На восьмом году его царствования его дочь, бежавшая в Ливию, основала там город Карфаген»[108]. Получается, что всего от царствования Хирома до основания Карфагена прошло сто пятьдесят пять лет и восемь месяцев[109]. А поскольку на двенадцатом году[110] царствования Хирома в Иерусалиме был построен Храм, то оказывается, что от строительства Храма до основания Карфагена прошло сто сорок

три года и восемь месяцев[111]. Нужно ли еще приводить какие-то свидетельства от финикиян? Понятно, что истина доказана неопровержимо. И уж, конечно, многим ранее сооружения Храма предки наши пришли в ту землю, поскольку только после того, как они завоевали ее окончательно, они смогли построить там Храм[112]. И это также с очевидностью показано мною на основании свидетельств священных книг в сочинении «О древностях»[113].

19. (128) Теперь же я приведу то, что написано и засвидетельствовано о нас у халдеев, — что в отношении и всего остального имеет весьма заметное сходство с тем, что написано у нас. Я приведу свидетельство Беросса[114], халдея по происхождению, но известного всякому образованному человеку, поскольку для эллинов именно он написал сочинения об астрономии и о мудрости у халдеев. Так вот этот самый Беросс, следуя древнейшим письменным памятникам, о случившемся потопе и о гибели людей во время него говорит то же самое, что и Моисей[115]; также и о ковчеге, в котором спасся праотец нашего народа Ной, занесенный на вершины армянских гор. Затем он перечисляет потомков Ноя, указывая время их жизни, и доходит до Набопалассара[116], царя вавилонского и халдейского и, повествуя о его деяниях, сообщает о том, «как в Египет и в нашу страну он послал своего сына Навуходоносора[117] с огромным войском, поскольку узнал, что тамошнее население восстало. Он покорил всех и сжег Иерусалимский храм, а нашему народу приказал покинуть страну и переселиться в Вавилон. Город был оставлен на семьдесят лет, до времени персидского царя Кира» (2Пар **36**.13–23; 4Цар **24**.11–16). Он говорит, что тот самый вавилонянин покорил Египет, Сирию, Финикию, Аравию и своими подвигами превзошел всех правивших до него царей халдейских и вавилонских. Затем чуть далее в порядке изложения Беросс снова обращается к древнейшим событиям. Я привожу его собственные слова, которые звучат так: «Когда отец его Набопалассар узнал, что поставленный им сатрап Египта и областей Килесирии и Финикии восстал на него, то сам, более не имея сил переносить трудности похода, он поставил своего сына Навуходоносора, человека в расцвете жизненных сил, во главе части своих войск и направил против возмутившегося сатрапа. При встрече с ним Навуходоносор дал сражение, одержал победу и снова подчинил страну своей власти[118]. Случилось так, что в то самое время отец его Набопалассар заболел и скончался в городе Вавилоне, царствовав двадцать девять лет. Навуходоносор узнал о кончине отца вскоре после этого и, закончив дела в Египте и в остальных областях, некоторым из приближенных поручил переправить в

Вавилон еврейских, финикийских, сирийских и египетских пленников вместе с тяжеловооруженным войском и прочей добычей, а сам с небольшим отрядом, пройдя через пустыню, пришел в Вавилон. Он принял дела, которыми заправляли халдеи, и царство, находившееся под бдительным надзором лучшего из них, и стал полновластным правителем отцовской державы. Он повелел, чтобы прибывшим пленникам для поселения были отведены в Вавилонии самые пригодные для этого земли, а сам позаботился о том, чтобы из взятой на войне добычи богато украсить храм Бела и остальные храмы; он обновил древний город и пристроил к нему часть с внешней стороны, чтобы осаждающие уже более не могли отвести воду реки и обратить ее на город[119]. Внутреннюю часть города он обнес тройной стеной, и такой же — внешнюю, одну сделал из обожженного кирпича и асфальта, другую — только из кирпича. Надежно укрепив город и роскошно украсив его ворота, он построил вблизи отцовского дворца другой дворец, который превосходил прежний высотою и всевозможным великолепием[120]. Пожалуй, понадобилось бы слишком много времени, чтобы рассказать обо всем, — разве только о самом невероятном: это огромное величественное здание было построено всего за пятнадцать дней. В этом дворце он поставил высокие каменные возвышения и сделал их весьма похожими по виду на горы. Повсюду он засадил их деревьями и устроил так называемый висячий сад, потому что его жена[121], выросшая в Мидийской стране, очень хотела видеть перед собою горы».

20. (142) Вот что сообщил Беросс об упомянутом прежде царе, а кроме того еще многое другое в третьей книге «Халдейской истории», где он упрекает эллинских историков[122] в том, что они заблуждались, полагая, будто Вавилон был построен ассирийской Семирамидой[123], и все удивительные сооружения ошибочно приписывали ей. В отношении этого следует признавать достоверность халдейских источников, тем более что записи в финикийских архивах согласуются с тем, что сказано об этом вавилонском царе у Беросса, — что он покорил Сирию и всю Финикию. Этому соответствуют и указания Филострата[124], который в своей истории упоминает об осаде Тира, а также и свидетельства Мегасфена[125] из четвертой книги его сочинения об Индии, где тот пытается доказать, что упомянутый вавилонский царь мужеством и величием своих подвигов превзошел Геракла, поскольку, по его словам, тот покорил значительную часть Ливии и Иберию[126]. А что касается Иерусалимского храма, о котором сказано было, что завоевавшие город вавилоняне сожгли его и что восстановление началось только после того, как Кир стал

властелином Азии, то все это находит подтверждение в сочинении Беросса. Вот что он говорит в третьей книге своего сочинения: «Навуходоносор, после того как было начато сооружение вышеупомянутой стены, заболел и скончался, царствовав сорок три года. Власть перешла к сыну его Эвильмарадуху (Ср. 4Цар **25**.27, Иер **52**.31). Управляя делами в государстве, он вел себя крайне безнравственно и беззаконно. Против него был устроен заговор мужем его сестры Нериглисаром, и он был убит, царствовав два года. После его смерти принявший власть злоумышленник Нериглисар царствовал четыре года. Его сын Лаборосоархордос, который был еще отроком, правил всего девять месяцев; многое обнаруживало его дурные наклонности, и потому против него составился заговор, и он кончил жизнь в мучениях от рук своих приближенных. После его смерти заговорщики собрались вместе и решили передать власть некоему вавилонянину Набонниду, который также входил в число участников заговора. При нем стены города со стороны реки были выложены обожженным кирпичом и асфальтом. На семнадцатом году его царствования Кир, шедший с огромным войском из Персии, покорил всю оставшуюся часть Азии и двинулся на Вавилонию. Узнав о его приближении, Набоннид встретил его со своим войском, вступил в сражение и, потерпев неудачу, с немногочисленными силами бежал и засел в городе Борсиппе[127]. Кир захватил Вавилон и приказал снести внешнюю оборонительную стену, поскольку город показался ему слишком хорошо укрепленным и неприступным, и затем двинулся на Борсипп, чтобы взять Набоннида осадой. Но Набоннид не стал этого дожидаться, а сдался сам. Кир обошелся с ним милостиво и, определив ему местом пребывания Карманию, отослал его из Вавилонии. И Набоннид, проведя оставшуюся часть жизни в этой стране, там и закончил свои дни»[128].

21. (154) Это достоверное свидетельство согласуется и с нашими священными книгами. Ибо в них сказано, что Навуходоносор на восемнадцатом[129] году своего царствования разрушил наш храм, который в продолжение пятидесяти лет[130] оставался в развалинах. На втором (1Ездр **3**.8) году царствования Кира снова было заложено основание, а на втором[131] году царствования Дария новый храм был завершен. Я дополню это и свидетельством финикиян, поскольку для полноты следует воспользоваться всеми имеющимися сведениями. Подсчет времени производится так[132]: «При царе Итобале[133] Навуходоносор осаждал Тир в продолжение тринадцати лет[134]. После него царствовал Ваал десять лет. После него на трон

возводились судьи, которые царствовали: Экнибал, сын Баслеха, — два месяца; Хелбес, сын Абдея, — десять месяцев, верховный жрец Аббар — три месяца, судьи Миттин и Геростратт, сын Абдилима, — шесть лет. После них Балатор царствовал один год. После его смерти отправили послов и призвали из Вавилона Мербала, который царствовал четыре года. После его смерти призвали его брата Хирома, который царствовал двадцать лет. В его время в Персии правил Кир». Таким образом весь период времени обнимает пятьдесят четыре года и еще три месяца[135]. Ведь на седьмом[136] году правления Навуходоносора была начата осада Тира, а в четырнадцатый год правления Хирома Кир стал царствовать в Персии. В отношении Храма с нашими книгами согласны также свидетельства халдеев и тирян, с несомненной очевидностью о древности нашего народа говорит и то, о чем я уже сообщил. А потому все те, кто не слишком увлекается спорами, я думаю, удовольствуются уже сказанным.

22. (161) Теперь следует вознаградить и пытливость тех, кто не полагается на варварские источники и склонен доверять одним только эллинам. Я намерен указать из них тех, которые знают о нашем народе и в соответствующих местах своих сочинений упоминают о нас. Так Пифагор Самосский, один из самых древних, который мудростью и благочестием превзошел, по общему признанию, всех прочих философов, без сомнения не только знал о нашем существовании, но и стал во многом подражать нашему образу жизни. От него, как известно, не осталось ни одного сочинения, но многие историки засвидетельствовали о нем. Из них наиболее известен Гермипп[137], взявший на себя труд составить его полное жизнеописание. Так вот, в первой книге этого сочинения о Пифагоре он сообщает, что «Пифагор, когда один его ученик по имени Каллифонт[138], родом из Кротона, умер, говорил, что душа его днем и ночью сопровождает его и что она повелевала ему не проходить по тому месту, где спотыкался осел[139], воздерживаться от возбуждающей жажду[140] воды и избегать всякого злословия"(Ср. Исх **22**.28; Лев. **19**.14:16). К этим словам он прибавляет следующие: «Так он говорил и поступал, подражая верованиям евреев и фракийцев и усваивая их себе». Ведь и вправду говорят, что сей муж перенес в свою философию многие из бытующих у евреев воззрений. И в городах наш народ издавна был небезызвестен, многие обычаи перекочевали в жизнь некоторых из них и в иных признавались достойными подражания. Об этом свидетельствует Феофраст[141] в сочинении «О законах». Он говорит, что тирские законы запрещают клясться иноземными клятвами, в числе которых он упоминает и о так называемой клятве Корбан[142]. Ни у кого не

встречается такой клятвы, только у евреев. Это означает — что подтвердил бы какой-нибудь знаток еврейского языка — «приношение Богу». Да и Геродоту Галикарнасскому был небезызвестен наш народ, поскольку по некоторым его замечаниям можно заключить, что он упоминает о нем. Во второй своей книге, говоря об истории колхов, он пишет так[143]: «Из всех людей у одних только колхов, египтян и эфиопов издавна существует обряд обрезания. Что же касается финикиян и палестинских сирийцев, то они признают, что научились этому от египтян. Сирийцы, живущие по рекам Фермодонт[144] и Парфений[145], и их городские соседи макроны[146] говорят, что совсем недавно научились этому у колхов. Ведь это единственный народ, совершающий обрезание, и они, по всей видимости, делают то же самое, что и египтяне. А о самих египтянах и эфиопах — кто у кого перенял этот обычай, сказать не могу». Итак, Геродот упомянул, что палестинские сирийцы[147] совершают обрезание. Но из жителей Палестины одни только иудеи имеют такой обычай. Стало быть, он знал об этом и говорил о них. Также и Хирил[148], древнейший поэт, упомянул о нашем народе, что тот на стороне персидского царя Ксеркса участвовал в походе против Эллады. Перечисляя все племена, последним он помещает и наш народ, говоря:

После же них показался народ, удивительный видом, речь финикийскую он испускал устами своими, там, где Салимский хребет, у широкого моря живет он, головы сплошь до темени бриты у них, но поверх их кожу головью коня надевают, тверделую паром[149].

Итак, всем, я думаю, ясно, что он упомянул о нас, поскольку и Салимские горы есть в стране, которую мы населяем, и так называемое Асфальтовое озеро. Ибо из всех сирийских озер оно самое большое и обширное. Таково упоминание о нас Хирила. А что не только самые малоизвестные из эллинов знали о евреях, но также восхищались теми из них, с кем приходилось им встречаться, и люди наиболее прославленные своей мудростью, несложно убедиться. Так Клеарх[150], который был учеником Аристотеля и не имел себе равных среди философов перипатетической школы, в первой книге «О сне» говорит, что его учитель Аристотель рассказывал о некоем муже еврейском. Он приводит такие слова, приписывая их самому Аристотелю. Написано так: «О многом можно было бы долго говорить, но сколь удивительного образа жизни и философии придерживался этот человек, рассказать было бы не бесполезно». «Будь уверен, Гиперохид, — сказал он, — тебе покажется, что я говорю о чем-то похожем на сон». Тогда Гиперохид с почтением молвил: «Но об

этом как раз все и желают послушать». «Тогда, — сказал Аристотель, — чтобы не нарушить правил риторики и не смутить учителей красноречия, я расскажу вначале о его происхождении». «Говори, — сказал Гиперохид, — что считаешь нужным». «Тот самый человек был евреем и происходил из Килы Сирийской, а тамошние жители ведут свой род от индийских философов. Говорят, у индусов философы зовутся каланами[151], а у сирийцев — иудеями, поскольку имя свое они получили по месту, ибо место, которое они населяют, называется Иудея. Имя же их города весьма мудреное, называется он Иерусалим. Этот человек пользовался гостеприимством у многих и, поскольку, приходя из отдаленных своих мест, посещал прибрежные города, был греком не только по языку, но и по духу. В то время мы жили в Азии[152], и он, путешествуя в тех же местах, что и мы, повстречался с нами и с некоторыми другими из схоластиков, испытывая их мудрость. И поскольку прежде он был дружен со многими из людей образованных, то в беседах с ними сообщал не только свои собственные суждения». Об этом рассказывал у Клеарха Аристотель и кроме того с восхищением говорил о величайшей строгости иудейского мужа в жизни и о его благоразумии. Желающие могут узнать больше из самой книги, я же ограничиваюсь самым существенным и стараюсь не приводить лишнего. Клеарх, упомянув о нас, сделал для этого отступление. Ибо цель его сочинения иная. Зато Гекатей Абдерский[153], современник царя Александра и приближенный Птолемея Лага[154], который был философом и вместе с тем человеком весьма сведущим в делах практической жизни, не между прочим упомянул о евреях, но посвятил им целую книгу, из которой я хочу сделать извлечения касательно наиболее существенного. Вначале я уточню время. Он упоминает о битве при Газе между Птолемеем и Деметрием, которая, по свидетельству Кастора[155], произошла через одиннадцать лет после смерти Александра, в сто семнадцатую олимпиаду. Указывая эту олимпиаду, он говорит: «Тогда Птолемей Лаг победил в битве при Газе Деметрия Антигона, прозванного Полиоркетом». Что Александр умер в сто четырнадцатую олимпиаду, это признают все. Из этого следует, что в его время и при царствовании Александра процветал наш народ[156]. Гекатей между тем говорит следующее: «После битвы при Газе Птолемей распространил свое владычество и на сирийские области, и многие люди, прослышав о доброте и человеколюбии Птолемея, пожелали последовать за ним в Египет и посвятить себя служению государству. Среди них, — говорит он, — был иудейский первосвященник Езекия[157], в возрасте шестидесяти шести лет, человек, пользующийся почтением у

единоплеменников, одаренный величайшим умом, наделенный даром красноречия и как никто другой опытный в ведении государственных дел; впрочем, — говорит он, — первосвященников иудейских, которые получают десятину от доходов и управляют общественными делами, общим числом у евреев более тысячи пятисот». И снова, упоминая о вышеназванном муже, он говорит: «Этот человек, достигнув такого почета и приблизившись к нам, привлек к себе некоторых из своих соотечественников и убедил их во всех преимуществах жизни там; им было основано целое поселение, жизнь которого определялась законами»[158]. Затем Гекатей снова рассказывает о том, как мы относимся к законам, — что предпочитаем многие страдания, лишь бы не преступить их, и принимаем это как благо. «Вот потому-то, — говорит он, — хотя соседи и захожие иноземцы распускают о них дурные слухи, и нередко персидские цари и сатрапы их притесняют, невозможно заставить их изменить своему образу мыслей, всякое мучение и самые жестокие из смертей они ради этого принимают с готовностью, лишь бы не поступиться верой предков». К тому же приводится немало свидетельств их твердости в исполнении законов. «Однажды Александр, — говорит он, — прибыл в Вавилон и пожелал восстановить разрушенный храм Бела[159]. Всем без исключения воинам он приказал насыпать землю, и одни только евреи не подчинились. Их жестоко избивали и подвергали суровым пыткам, до тех пор пока царь не простил их и не оставил в покое. А когда войско вступило в их собственную страну, — говорит он, — и воздвигло храмы и алтари, они разрушили их и за одни сооружения заплатили денежный штраф, а за другие были прощены». При этом он замечает, что за подобные деяния по справедливости можно восхищаться евреями. Упоминает он и о том, что наш народ весьма многочисленный. «Многие тысячи наших соотечественников, — говорит он, — персы[160] сперва увели в Вавилон, а затем, уже после смерти Александра возникших там смут, переселили в Египет и Финикию». Он же свидетельствует о красоте и обширности страны, которую мы населяем. «Тремя миллионами арур, — говорит он, — лучшей и плодороднейшей земли владеют они, ибо такова площадь, которую занимает Иудея». А кроме того и о том, что с древнейших времен мы живем именно в Иерусалиме, городе величайшем и прекраснейшем, он говорит в таких словах: «Есть у евреев множество крепостей и селений по всей стране[161], город же укрепленный один — более пятисот стадий в окружности[162], в котором живут около ста двадцати тысяч человек. Там в самом центре города есть каменная обводная стена[163], длиной около

пяти плетров, шириной в сто локтей, с двумя воротами. Внутри располагается четырехугольный жертвенник, сложенный не из обтесанных камней, а из простых булыжников (Исх **20**.25, Втор **27**.6), каждая боковая сторона длиной в двадцать локтей, а высотой десять локтей[164]. Рядом с ним большое здание, где стоит жертвенник[165] и светильник, и тот и другой из золота, весом два таланта. На них днем и ночью горит неугасаемый огонь. Нет ни изображений, ни приношений, нет вообще никакой растительности, как-то: священных рощ или чего-то подобного (Втор **16**.21). Дни и ночи там находятся священники[166], совершающие какие-то священнодействия. В храме они совершенно воздерживаются от употребления вина» (Лев. **10**.9, Иез **44**.21). Он свидетельствует, что мы участвовали в походах царя Александра, а затем и его преемников. Рассказ же о том, что произошло с одним иудейским мужем в присутствии самого писателя, я хотел бы привести. Он говорит так: «Когда я отправился к Красному морю, то в числе других сопровождавших нас еврейских всадников был некто по имени Мосоллам, человек сильный духом и телом, и по общему признанию лучший стрелок среди эллинов и варваров. Когда один прорицатель, гадавший по птичьему полету, предложил посреди пути остановиться, этот человек спросил у него, почему они встали. Указав ему на птицу, прорицатель ответил, что если она останется на том же месте, то всем следует остановиться, если же она поднимется и полетит вперед, следует продолжать свой путь, а если повернет назад, то нужно возвратиться. Тогда, молча натянув свой лук, он пустил стрелу, попал прямо в птицу и убил ее. Когда же прорицатель и все остальные в негодовании стали осыпать его проклятиями, он отвечал: «К чему безумствовать, если несчастная птица теперь у вас в руках? Каких разумных советов можно было от нее ожидать, если она не позаботилась даже о том, чтобы саму себя уберечь от гибели? Ведь если бы она могла предвидеть будущее, она не прилетела бы к этому месту, побоявшись, что в нее пустит стрелу Мосоллам-еврей». Однако довольно о свидетельствах Гекатея, поскольку желающие узнать больше без труда найдут и саму эту книгу. Я же поспешу назвать также имя Агатархида[167], который упомянул о нас, подшучивая, как ему самому кажется, над нашей простодушностью. Он рассказывает историю Стратоники[168], говоря о том, как она оставила своего мужа Деметрия и пришла из Македонии в Сирию; когда же Селевк, занимаясь в то время созданием войска в Вавилоне, не пожелал жениться на ней, чего ей очень хотелось, она подняла восстание в Антиохии. А затем, когда царь вернулся и осадил город, она бежала в Селевкию и имела возможность тотчас отплыть, но, поверив

неблагоприятному сновидению, решила остаться, была схвачена и казнена». Предварительно рассказав об этом, Агатархид смеется над суеверием Стратоники и в качестве примера упоминает в нескольких словах о нас. Вот как он пишет: «Так называемые евреи, населяющие самый неприступный из городов, который местные жители называют Иерусалимом, имеют обыкновение в седьмой день не заниматься ничем; они не носят оружия в это время, не прикасаются к земледельческим работам, не заботятся ни о каких других обязанностях, а только с поднятыми руками с утра до вечера молятся в храме. Когда в город со своим войском входил Птолемей Лаг, эти люди вместо того, чтобы защищать город, соблюдали свой безумный обычай. При этом отечество их обрело жестокого деспота, а в законе обнаружилось включенное в него никуда не годное предписание. Этот случай, кроме них самих, всех остальных научил тому, что не следует обращать внимания на сновидения и на прочие сохраненные обычаем предрассудки, которые должны уступать место здравому размышлению о том, что происходит». Агатархиду этот случай кажется смехотворным, но непредвзятым исследователям — весьма достойным похвалы, если самой свободе и спасению отечества люди предпочли верность обычаям и исконному благочестию.

23. (213) А что некоторые писатели не по незнанию о нас, а вследствие недоброжелательности или каких-то иных подобных причин не оставили о нас достоверных свидетельств, я хотел бы привести доказательство. Так Иероним[169], написавший историю диадрхов, жил в одно время с Гекатеем и, будучи другом царя Антигона, занимал должность наместника в Сирии. Однако Гекатей написал о нас целую книгу, Иероним же в своей истории нигде о нас не упоминает, хотя едва ли не всю свою жизнь провел в тех местах[170]. Настолько различными оказались намерения этих людей, что один удостоил нас пристального внимания, другому же какое-то низкое чувство совершенно заслонило истину. Впрочем, для установления древности достаточно египетских, халдейских и финикийских памятников, помимо столь многочисленных эллинских писателей. Кроме уже упомянутых мной, и Феофил[171], и Феодот[172], и Мнасей[173], и Аристофан[174], и Гермоген[175], также Эвгемер[176], Конон[177] и Зопирион[178], а возможно, и многие другие (поскольку не все книги были мне доступны) проявляли к нам не поверхностное внимание. Многие из вышеназванных мужей отступили от истины в изложении древнейших событий, поскольку не обращались к нашим священным книгам, однако все они свидетельствовали о нашей древности, в защиту которой я и предполагал здесь говорить.

Впрочем, Деметрий Фалерский[179], Филон Старший[180] и Эвполем[181] не на много отклонились от истины, и в этом их можно понять, поскольку они были не в состоянии со всей тщательностью изучить наши писания.

24. (219) У меня остается еще один весьма важный вопрос из намеченных в начале книги — доказать лживость злонамеренной клеветы, распространяемой некоторыми о нашем народе, и воспользоваться свидетельствами таких писателей для изобличения их же самих. Что подобное случалось и со многими другими народами по причине чьей-то к ним неприязни, известно, я думаю, тем, кто хоть сколь-нибудь знаком с историей. Некоторые даже вздумали обесславить происхождение и опорочить общественное устройство городов[182] наиболее прославленных, как, например, Феопомп[183] писал об афинянах, Поликрат[184] — о лакедемонянах, и автор «Триполитик»[185] (им ведь был не Феопомп, как некоторые полагают) — о фиванцах. Много недобрых слов было сказано и Тимеем[186] в историях как вышеназванных, так и некоторых других городов. В особенности же этим занимаются те, кто желает прославиться, — одни из зависти и тщеславия, другие — потому что считают, что оставят о себе память необычайностью своих суждений. Они никоим образом не обманываются в своих ожиданиях, если имеют в виду людей неразумных, но люди здравомыслящие осуждают величайшую низость их замыслов.

25. (223) Начало клевете против нас положили египтяне. Некоторые историки им в угоду стали искажать истину, не признавая того, как оказались в Египте наши предки, и не говоря правды об их исходе оттуда. У них было множество причин ненавидеть нас и завидовать нам. Прежде всего то обстоятельство, что наши предки правили в их стране, а переселившись от них в свою землю, и там жили счастливо; затем совершенно иное представление о божественном вселило в них величайшую ненависть, потому что наше благочестие настолько отлично от так называемого у них, насколько сущность Бога отлична от природы бессловесных тварей. Объединяет их древний обычай почитать богами животных, а в воздавании им почестей между собою разнятся эти легкомысленные и неразумные люди, изначально имеющие о богах неверное представление. Они не захотели перенять наше благочестивое понятие о божестве, а видя, что многие подражают нам, прониклись к нам злобой. Некоторые из них впали в такое неразумие и бессовестность, что не только не постеснялись говорить прямо противоположное имеющимся у них древним письменным свидетельствам, но в своем ослеплении даже не

заметили, что стали противоречить самим себе.

26. (227) Первое и исключительное место я отведу сочинению, которым немногим ранее я уже воспользовался для того, чтобы засвидетельствовать нашу древность. Тот самый Манефон пообещал, что составит египетскую историю по переводам из священных книг[187]. Сперва он сообщил о том, что великое множество наших предков пришло в Египет и покорило местное население, затем признал и то, что некоторое время спустя они покинули страну и захватили нынешнюю Иудею, где основали город Иерусалим и построили храм. До сих пор он действительно следовал письменным документам, но затем позволил себе записывать услышанные им сплетни о евреях и сообщил о нас невероятные сведения, сознательно причислив нас к множеству египетских прокаженных и больных другими болезнями, которые, по его словам, приговорены были покинуть страну. Выдумав какого-то Аменофиса, несуществующего царя с вымышленным именем, и потому не решаясь определить время его правления[188], хотя для других царей он с точностью указывает годы царствования, он связывает с ним какие-то баснословные сказания, совершенно позабыв собственные слова о том, что пятьсот восемнадцать лет[189] назад пастухи удалились в Иерусалим[190]. (231) Когда они ушли, царем был Тетмос[191]. Со времени правления этих царей, согласно ему, прошло триста девяносто три года до царствования братьев Сета и Гермея, из которых, как он утверждает, Сет получил имя Египет, а Гермей[192] — имя Данай. После изгнания последнего Сет правил 59 лет, а затем старший из его сыновей Рамзес — 66 лет. (232) И вот, признав сперва, что задолго до того наши предки оставили Египет, и выдумав затем подставного царя Аменофиса[193], он вслед за тем говорит, что тот, подобно Гору[194], одному из своих царственных предшественников, пожелал созерцать[195] богов. Он сообщил об этом желании своему тезке Аменофису, сыну Пааписа[196], который, как считалось, причастен божественного совершенства благодаря своей мудрости и дару предвидеть будущее. Этот человек сказал ему, что он сможет созерцать богов, если полностью очистит страну от прокаженных и других нечистых. Обрадованный царь велел изгнать из Египта всех, кто имел скверну на теле (число их составило восемьдесят тысяч человек), и приказал заключить их в каменоломни[197] к востоку от Нила, чтобы те работали там наравне с прочими египетскими заключенными. Среди них, говорит он, было даже несколько ученых жрецов, зараженных проказой. Однако Аменофис, этот мудрец и прорицатель, побоялся навлечь на себя и на царя гнев богов за то, что кто-то увидит их самовольно, и придумал

сказать[198], что какие-то люди возьмут нечистых в союзники и будут править Египтом тринадцать лет. Не решившись сказать этого царю самолично, он оставил ему подробное письмо и покончил с собой. Царь был в отчаянии. Затем он пишет дословно следующее: «С тех пор как осквернённых отправили в каменоломни, прошло немало времени, и царь пожаловал им некогда оставленный пастухами город Аварис[199], чтобы у них было собственное пристанище и кров. Этот город по древнему преданию был посвящен Тифону. Придя туда, они получили возможность обособиться и избрали своим предводителем некого Осарсифа, жреца из Гелиополя[200], и дали клятву во всем подчиняться ему. Своим первым законом тот запретил поклоняться богам, воздерживаться от особо почитаемых в Египте священных животных, но всех приносить в жертву и употреблять их в пищу, а также повелел не вступать в общение ни с кем, кроме связанных с ними единой клятвой. Издав эти и многие другие постановления, которые были особенно враждебны египетским обычаям, он приказал сообща соорудить оборонительную стену и готовиться к войне с царем Аменофисом. Сам же, собрав жрецов и прочих своих нечистых сограждан, решил отправить посольство к изгнанным Тетмосом пастухам в город, называемый Иерусалим. Рассказав о том, какому бесчестию подвергли его самого и других, он стал уговаривать их вместе пойти войной против Египта. Он предложил им направиться сначала в Аварис, на родину их предков, где пообещал приготовить для войска обильные запасы продовольствия, а когда будет нужно, на их стороне вступить в войну и без труда покорить им страну. Обрадованные этим обстоятельством, те единодушно выступили в поход числом около двухсот тысяч и вскоре пришли в Аварис. Аменофис, царь Египта, лишь только узнал об их появлении, впал в отчаяние, припомнив предсказание Аменофиса, сына Пааписа. Сперва, созвав население Египта и посоветовавшись с его предводителями, он приказал доставить к себе священных животных, особо чтимых в храмах, и повелел каждому жрецу укрыть почитаемые статуи богов в наиболее безопасных местах. Своего пятилетнего сына Сетоса, называвшегося Рамессом по имени отца Рамзеса, он отправил к своему другу. А сам, с отборным египетским войском, насчитывавшим около трехсот тысяч человек, не стал вступать в сражение с шедшими навстречу врагами, поскольку ему пришла в голову мысль, что он идет против воли богов, а повернул назад и возвратился в Мемфис. Взяв Аписа и других доставленных туда священных животных, он тотчас отправился в Эфиопию со всей своей свитой и войском, поскольку в знак благодарности эфиопский царь подчинялся ему.

Тот принял радушно египетского царя и его подданных, которых его страна могла прокормить и имела достаточно городов и деревень, чтобы предоставить изгнанникам убежище на эти роковые тринадцать лет. Кроме того, к воинам царя Аменофиса он прибавил эфиопский гарнизон для охраны границы с Египтом. Так обстояли дела в Эфиопии. А пришедшие из Иерусалима гиксосы вместе с нечистыми жителями Авариса обращались с покоренным населением настолько бесчеловечно, что их владычество для тех, кто был свидетелем их святотатства, казалось самым ужасным из всех зол. Ибо они не только сжигали дотла города и деревни и не удовольствовались разграблением храмов и осквернением статуй богов, но употребляли их для разведения огня и приготовления мяса почитаемых священных животных, причем сперва они заставляли самих жрецов и прорицателей закалывать и приносить их в жертву, а затем, раздевая их самих донага, прогоняли. Говорят, что тот самый жрец, который основал их государство и написал законы, происходил из Гелиополя и звался Осарсифом по имени тамошнего бога Осириса, но, оказавшись среди них, он изменил свое имя и стал называться Моисей».

27. (251) Вот что египтяне рассказывают о евреях, — и еще много подобного тому, что я для краткости опущу. А Манефон между тем сообщает, что после этого Аменофис пришел из Эфиопии с огромным войском, и сын его Рамесс, также во главе своего войска. Вместе они напали на пастухов и прокаженных, наголову разбили их и, многих из них умертвив на месте, остальных преследовали до сирийских пределов. Вот в каких словах сообщает об этом Манефон. Что же касается того, что он излагает сведения вздорные и лживые, я берусь со всей очевидностью это доказать, предпослав всему тому, что впоследствии будет об этом сказано, следующее. Он сообщил нам и признал то, что мы изначально по происхождению своему не египтяне, но пришли сами из какой-то другой страны и властвовали над Египтом, а затем снова удалились. А относительно того, что с нами впоследствии не смешивались прокаженные египтяне и что вождь нашего народа Моисей не имеет к ним никакого отношения, но родился на много поколений раньше, тому я попытаюсь привести доказательства, опираясь на его собственные слова.

28. (254) Первоначальная причина этих выдумок, как он ее преподносит, поистине смехотворна: «Царь Аменофис, — говорит он, — пожелал созерцать богов». Каких богов? ежели тех, что принято почитать у них, то и бык, и козел, и крокодилы, и обезьяны с собачьими мордами были у него перед глазами.

Небесных же богов как мог он лицезреть? И откуда возникло у него само желание? Оттого, клянусь Зевсом[201], что до него их созерцал какой-то из его предшественников. От него-то он и узнал, как и куда смотреть, чтобы их увидать, так что ни в каком новом способе он и не нуждался. Умен же был прорицатель, по совету которого царь взялся за совершения этого дела. Почему же он не предвидел неисполнимость его желания, раз от этого не отступился? И с чего он взял, будто богов нельзя увидать из-за калек и прокаженных? Ведь боги гневаются на людей за нечестивые поступки, а не за телесные увечья. И возможно ли всего за один день[202] собрать восемьдесят тысяч калек и прокаженных? И почему же царь ослушался прорицателя? Ведь тот посоветовал ему изгнать прокаженных за пределы Египта, а он упрятал их в каменоломни, как будто нуждался в работниках, а не желал очистить страну. Манефон утверждает, что прорицатель покончил с собой, поскольку предвидел гнев богов и все грядущие беды в Египте, и что он оставил царю письмо с предсказанием. Тогда почему же с самого начала прорицатель не знал о своей смерти? Почему он тотчас не воспрепятствовал царю в его желании созерцать богов? И к чему бояться тех бед, которые должны были случиться не с ним? Или что же еще могло быть для него более ужасным, из-за чего он поспешил покончить с собой? Однако давайте рассмотрим и самую большую нелепость. Царь, узнав все это и опасаясь будущих событий, тех самых калек, от которых ему по предсказанию надлежало очистить Египет, не стал изгонять из страны, а «по их просьбе», как говорит Манефон, отдал им город некогда населенный пастушеским народом, называемый Аварис. Поселившись в нем, по его словам, они избрали себе предводителя из числа бывших гелиопольских жрецов, и тот новыми законами запретил им поклоняться богам и воздерживаться от употребления в пищу почитаемых в Египте животных, но всех позволил есть и приносить в жертву, и в общение вступать только с теми, кто связан с ними единой клятвой. Он заставил жителей поклясться в верности этим законам, соорудил крепостную стену и пошел на царя войной. И затем прибавляет, что «он послал в Иерусалим просить пастухов стать их союзниками в этой войне, пообещав отдать им Аварис, потому, дескать, что этот город населяли предки тех, кто прибудет из Иерусалима, и также уверил их, что, обосновавшись в нем, они смогут овладеть всем Египтом». Вслед за тем он говорит, что «их двухсоттысячное войско пришло в Аварис, но египетский царь Аменофис, считая, что не следует идти против воли богов, тотчас бежал в Эфиопию, а жрецам приказал оберегать Аписа и других священных животных». Затем он сообщает, что

«пришельцы из Иерусалима разрушали города, жгли храмы, убивали жрецов[203] и вообще не было таких дикостей и беззаконий, которых они бы ни совершили. А тот человек, — говорит он, — который дал им законы и государственное устройство, происходил из Гелиополя, имя его Осарсиф, от имени чтимого в Гелиополе бога Осириса. После своего переселения он стал называться Моисеем. По словам Манефона, Аменофис через тринадцать лет (ибо столько лет суждено было ему пребывать в изгнании) пришел из Египта с огромным войском и, напав на пастухов и прокаженных, одержал победу в этом сражении, причем многих он умертвил на месте, а остальных преследовал до пределов Сирии».

29. (267) При этом он даже не понимает, что преподносит безыскусную ложь. Ибо прокаженные и множество пастухов, если когда-то прежде и гневались на царя и на всех тех, кто по предсказанию прорицателя так с ними поступил, то после того как они вышли из каменоломен и получили от него целую область с городом, они должны были бы стать всецело ему преданными. Если бы они и в самом деле его ненавидели, то свои тайные замыслы против него обнаружили бы как-то иначе, а не стали бы начинать войну против всех, поскольку, раз уж их было такое огромное множество, само собой [среди египтян] у них было много родственников. Притом даже если бы они решили начать войну, они не осмелились бы воевать против их богов и не стали бы вводить законы, противные отеческим установлениям, на которых они были воспитаны. Мы должны еще быть благодарны Манефону за то, что зачинателями этого беззакония стали, по его словам, не пришельцы из Иерусалима, но они сами, египтяне, потому что из них главным образом их жрецы придумали все это и заставили население принести клятвы. С этим, пожалуй, почему бы и не согласиться? Никто из их родственников и друзей не присоединился к ним и не захотел разделить с ними тяготы войны, и прокаженные послали в Иерусалим просить о заключении с ними союза. Что это у них к ним за любовь и какое-такое стародавнее родство? Наоборот, те были их врагами и весьма существенно отличались обычаями. Он же говорит, что они тотчас поверили обещаниям, что овладеют Египтом, как будто им было совершенно ничего не известно об этой стране, из которой их некогда силой изгнали. Так, если бы у себя дома они нуждались и бедствовали, возможно, тогда они и отважились бы прийти им на помощь, но они населяли цветущий город и страну намного обильнее Египта, и ради чего стоило им подвергаться опасности и помогать своим давним врагам, к тому же еще и калекам, которым даже из их собственных

родственников никто не посочувствовал? Не могли же они заранее знать о будущем бегстве царя. Ведь и сам Манефон говорил тому явно противоречащее, — что будто бы «сын Аменофиса во главе трехсоттысячного войска шел им навстречу в Пелузий»[204], и об этом было хорошо известно тем, кто собирался воевать, а о перемене его решения и бегстве разве могли они тогда догадываться? Иерусалимское войско захватило продовольственные запасы Египта, говорит он, и совершило множество ужасных злодеяний. За это он укоряет их, словно они были вовсе им не враги, или как будто за это следует упрекать чужеземцев, позванных откуда-то извне, в то время как и до их прихода то же самое творили сами египтяне, и поклялись, что будут и впредь так поступать. «Однако некоторое время спустя Аменофис напал на них и победил в сражении и, многих убивая, преследовал до сирийских пределов». Вот, оказывается, как просто овладеть Египтом каким угодно пришельцам. И ведя в Египте войну, и зная, что Аменофис еще жив, они не стали укреплять свои границы со стороны Эфиопии, хотя имели к тому достаточно средств, и не позаботились о том, чтобы держать наготове остальное свое войско. «А царь, — говорит Манефон, — уничтожал их повсюду до границ Сирии, преследуя по безводной пустыне». Хотя известно, что войску непросто преодолеть пустыню и без боев.

30. (278) Итак, на основании сообщений самого же Манефона, наш народ происходит не из Египта, и никто из египтян с нами не смешивался. Ведь более чем вероятно, что множество больных и прокаженных погибли в каменоломнях, поскольку томились там длительное время, многие — в последовавших за тем сражениях, и еще больше — в самом последнем, и затем в бегстве[205].

31. (279) Мне остается ответить ему несколькими возражениями, касающимися Моисея. Египтяне считают его человеком необыкновенным и божественным, а потому, желая видеть в нем своего соотечественника, они с невероятной дерзостью утверждают, что он был одним из гелиопольских жрецов, изгнанным вместе с остальными прокаженными. Однако наши письменные памятники говорят, что он родился за пятьсот восемнадцать лет до этого и увел наших предков из Египта в страну, которую мы теперь населяем. А что он не страдал подобным телесным недугом, выясняется из того, что он сам говорил (Лев. **13**:1, 14:1; Чис **5**.1.). Ибо прокаженным он запрещает оставаться в городе или жить в деревне; им надлежит по одиночке бродить в разодранных одеждах, а всякого, кто прикоснется к ним или окажется с ним под одной крышей, он

считает нечистым. И даже если болезнь будет излечена и человеку возвратится его прежний вид, он предписывал различного рода очищения, омовения ключевой водой и острижение всех волос, и лишь после того, как тот совершит множество всяческих жертвоприношений, он позволял ему войти в священный город. А между тем, казалось бы, человек с таким недугом должен был отнестись к больным той же болезнью с большей заботой и вниманием. Его постановления касались не только прокаженных, но всем, кто имел хоть малейший телесный изъян, он запретил участвовать в священнодействиях (Лев. **21**:18–23). И даже если во время священнодействий с кем-либо случалось подобное несчастие, он лишал его этой чести. Потому возможно ли, чтобы он принимал эти постановления против самого себя и издавал законы себе же на позор и во вред? Кроме того, совершенно не похоже на правду и то, как он поменял имя. «Звали его Осарсиф», — говорит Манефон. Это слово для соответствующего изменения не подходит. А настоящее его имя Моисей обозначает «спасенный из воды», ведь египтяне называют воду «мои»[206]. Итак, мне кажется, ясно вполне, что Манефон не слишком погрешал против истины, пока следовал древним летописям, но как только обратился к безымянным сказаниям, то либо неправильно согласовал их друг с другом, либо слишком доверился людям, которые злобно клеветали на нас.

32. (288) От Манефона я хочу перейти к разбору того, что написано Херемоном[207]. Ведь и он утверждает, что пишет историю Египта. Подставив, как и Манефон, царя с тем же именем Аменофис и сына его Рамесса, он говорит, что «во сне Аменофису явилась Изида[208], которая укоряла его за то, что в ходе войны был разрушен ее храм. Ученый жрец Фритифант[209] сказал, что, если он очистит Египет от людей, имеющих скверну, страхи его прекратятся. Собрав двести пятьдесят тысяч осквернённых, он изгнал их. Предводительствовал ими книжник Моисей и Иосиф, также священник и книжник. По-египетски звали их: Моисея — Тисифен, Иосифа — Петесеф. Придя в Пелузий, они нашли там триста восемьдесят тысяч человек, оставленных Аменофисом, которых царь не пожелал пускать в Египет. Заключив с ними союзнический договор, они пошли на Египет войной. Не ожидавший их прихода Аменофис бежал в Эфиопию, бросив беременную жену. Она, скрываясь в каких-то пещерах, родила сына, по имени Рамесс[210], который, достигнув совершеннолетия, прогнал евреев числом около двухсот тысяч в Сирию и дал возможность отцу возвратиться из Эфиопии».

33. (293) Так говорит Херемон. Именно поэтому я и считаю, что из сказанного лживость обоих[211] очевидна. Ибо если

существует какая-то истина, то невозможно говорить о ней настолько противоречиво. Ложные сведения они сообщают потому, что пишут не согласно другим источникам, а что им самим в голову придет. Так, Манефон утверждает, что первоначальной причиной изгнания прокаженных было желание царя созерцать богов, Херемон же указывает свою причину, — что это якобы видение Изиды. Первый говорит, что царю посоветовал изгнать прокаженных Аменофис, второй — что им был Фритифант. Также и об их численности они почти полностью согласны друг с другом — один называет восемьдесят тысяч, другой — двести пятьдесят. К тому же Манефон сперва отправляет прокаженных в каменоломни, затем отдает им город Аварис, в котором их поселяет, потом заставляет ополчиться на всех прочих египтян с их обычаями, и только после этого, по его словам, они просят помощи у жителей Иерусалима, а Херемон — что, удаляясь из Египта, они повстречали в Пелузий триста восемьдесят тысяч человек, брошенных Аменофисом, что, соединившись с ними, они напали на Египет и что Аменофис бежал в Эфиопию. Но поистине самое непонятное то, что сочинитель истории о прокаженных и о видении Изиды ни словом не обмолвился о том, откуда взялось это многотысячное войско — то ли они египтяне по происхождению, то ли пришли из какой-то другой страны, — и не потрудился растолковать, по какой причине царь не пожелал пустить их в Египет. Вместе с Моисеем Херемон также упоминает имя Иосифа, как будто тот был изгнан с ним в одно время, — а он на самом деле умер задолго до Моисея и старше его на четыре поколения, что составляет около ста семидесяти лет. К тому же Рамесс, сын Аменофиса, если верить Манефону, юношей вместе с отцом выступает на войну и затем вместе с ним бежит в Эфиопию, этот же говорит, что он родился уже после смерти отца[212] в какой-то пещере, и после этого выигрывает сражение и прогоняет евреев числом около двухсот тысяч в Сирию. Удивительная беспечность! Поначалу он ни словом не обмолвился о том, кто такие эти триста восемьдесят тысяч человек, и куда подевались те четыреста тридцать, — в сражении ли пали или перешли на сторону Рамесса. И затем самое странное, — что у него невозможно понять, кого он называет евреями, или кто у него имеется в виду под этим именем, то ли двести пятьдесят тысяч прокаженных, то ли те триста восемьдесят тысяч собравшихся в Пелузий. Впрочем, было бы излишним продолжать изобличать тех, кто изобличил себя сам, ибо то, что сказано другими, всегда менее убедительно.

34. (304) К ним я прибавлю и Лисимаха[213], который принимает ту же лживую посылку, что и вышеназванные, но

своими выдумками далеко превосходит их нелепости. Из чего и следует, что он написал свое сочинение, движимый чувством ненависти к нам. Он говорит, что «при египетском царе Бокхорисе еврейский народ, зараженный проказой, чесоткой и еще какими-то болезнями, стал стекаться в храмы, чтобы просить там подаяния. Когда заболело множество людей, в стране случился неурожай. Бокхорис[214], царь Египта, послал к оракулу Аммона[215] узнать о причинах неурожая. Бог повелел ему очистить святилища от безбожников и нечестивцев, изгнав их из храмов в пустыню, а больных проказой и чесоткой — утопить, поскольку богу Солнца не угодна их жизнь; затем очистить святилища, и тогда земля снова будет плодоносить. Получив оракулы, Бокхорис созвал жрецов и служителей алтарей и приказал им произвести отбор среди нечистых, чтобы одних передать воинам, которые отведут[216] их в пустыню, а прокаженных обернуть в свинцовые листы и бросить в море. Прокаженные и чесоточные были утоплены, а остальные схваченные нечестивцы были удалены в пустыню, чтобы там погибнуть. Но, собравшись вместе, они посоветовались о том, что им делать, и, когда наступила ночь, разложили костры, зажгли факелы[217] и остались в живых; следующую ночь, проведя в посте, они стали молить богов, чтобы те спасли их. На другой день некто Моисей посоветовал им рискнуть пойти наугад, пока не выйдут к каким-нибудь селениям, и повелел им из людей никого не жалеть и не испытывать к ним никаких добрых чувств, а только ненависть, и разрушать храмы и жертвенники богов, которые встретятся им на пути[218]. Единодушно согласившись исполнить это приказание, они двинулись через пустыню и не без потерь достигли населенных мест. Над людьми они творили всякие бесчинства, святилища богов грабили и сжигали и, наконец, пришли в страну, которая называется теперь Иудея. Там они основали город и поселились в нем. Этот город получил название Иеросила[219] в напоминание об их святотатстве. Впоследствии, когда со временем они приобрели могущество, чтобы избежать упреков, они изменили название; город стал называться Иерусалим, а сами они иерусалимляне».

35. (312) Этот уже не позаботился даже о том, чтобы назвать того же царя, что они, но придумал имя поновее Ему не понадобились ни сновидение, ни египетский прорицатель, — за оракулом о чесоточных и прокаженных он отправляется прямо к Аммону. В храмы, говорит он, стало стекаться множество евреев, однако тех ли самых прокаженных называет он этим именем, или только больных из числа евреев? Он ведь говорит «еврейский народ». Что за народ? По происхождению пришлый или местный? Почему же тогда ты называешь их евреями, если они египтяне? И

после того как царь многих из них утопил в море, а остальных изгнал в пустыню, каким образом возможно, чтобы уцелело такое множество? И как это им удалось сперва преодолеть пустыню, а затем овладеть страной, которую мы теперь населяем, к тому же основать там город и построить прославленный храм? Также ему следовало бы не только назвать имя законодателя, но и рассказать, кто он по происхождению и откуда, и ради чего он стал вводить подобные меры в отношении почитаемых богов и по отношению к людям призывать к беззакониям во время пути[220]? Ведь будь они египтянами по происхождению, они не изменили бы отеческим обычаям с такой легкостью; а будь они пришельцами из другой страны, все равно у них должны были существовать какие-то законы, закрепленные многовековой привычкой. Потому если они дали клятву никогда не прощать обиды тем, кто их изгнал, это было бы вполне правдоподобно, но что эти люди со всеми начали беспощадную войну в то самое время, когда, по его словам, сами бедствовали и нуждались в помощи всех и каждого, — все это обнаруживает скорее не их собственное неразумие, а весьма большую глупость того, кто написал эту ложь. К тому же он осмелился утверждать, что сначала и имя городу они нарекли по собственному святотатству, но впоследствии изменили его. Понятно, что за такое имя их потомков могли только стыдить и ненавидеть, но основатели города, стало быть, назвав его так, решили себя этим прославить. Однако в своем неумеренном желании хулить всех и все этот достойнейший человек не сообразил, что мы, евреи, говорим «святотатствовать» не на том же языке, что и эллины. Нужно ли еще что-то говорить о писателе, который лжет столь бессовестно? И поскольку эта книга уже приобрела положенный ей объем, я начинаю следующую и в ней попытаюсь сказать обо всем остальном, что имеет отношение к поднятому вопросу.

Книга 2
Против Апиона

1. Итак, в предыдущей книге, почтеннейший мой Эпафродит, я изложил вопрос о древности нашего народа, доказав ее истинность на основании сочинений финикиян, халдеев и египтян; также я привел многочисленные свидетельства эллинских писателей и высказал свои возражения Манефону, Херемону и некоторым другим. Теперь же я принимаюсь за изобличение всех остальных из числа тех, кто что-либо написал против нас, хотя относительно возражений грамматику Апиону[221] у меня возникли сомнения, стоит ли вообще серьезно к нему относиться. Ибо из написанного им одни отрывки по содержанию схожи с тем, что сказано у других писателей, иные — он присочинил весьма бездарно, большинство же обнаруживают какое-то шутовство и, сказать по правде, полную невоспитанность, как будто составлены человеком испорченного нрава, который всю свою жизнь только и делал, что занимался шарлатанством. Однако поскольку множество людей по неразумию пленяются подобными речами более, нежели серьезными сочинениями, и приветствуют злословие, а к похвалам относятся неодобрительно, я почел своим долгом не оставить без разбора и этого писателя, который открыто, как на суде, выступил с обвинением против нас. Вместе с тем я замечаю, что и такое свойство присуще многим людям — испытывать несказанную радость, когда один принимается порочить другого, но тотчас сам уличается в собственных ошибках. Потому совсем не просто заниматься разбором его сочинений, или хотя бы в точности понимать, что он хочет сказать: при той немыслимой путанице и напластованиях лжи некоторые его рассуждения попадают в похожий разряд с уже исследованным нами вопросом об исходе наших предков из Египта, другие же представляют собой обвинение проживающих в Александрии евреев. К этим добавляются еще некоторые его высказывания, в которых он ругает богослужение в нашем храме и прочие согласные обычаю предписания.

2. (8) Итак, что наши предки были по происхождению не египтяне и что не из-за телесной скверны или каких-то иных подобных недугов они были оттуда изгнаны, я, как мне кажется, доказал не только в должной мере, но даже более подробно, чем нужно. О том же, что дополнительно к этому сообщает Апион, я вкратце напомню. В своей третьей книге «Египетской истории» он

говорит следующее: «Моисей, как я слышал от египетских старцев[222], происходил из Гелиополя. Делая вид, что следует отеческим обычаям предков, он ввел молитвы под открытым небом на всех городских стенах, сколько их есть, и обратил весь город на восток, поскольку и город бога Солнца[223] расположен таким же образом[224]. Вместо обелисков[225] он установил столбы, у подножья которых была изображена ладья, при этом тень от вершин падала на нее так, что она совершала тот же путь, что и солнце по небу»[226]. Таково странное высказывание этого ученого человека, причем чтобы доказать его лживость, не нужно ничего говорить, но все понятно из самих упомянутых им дел и поступков. Ведь сам Моисей, когда достроил первую скинию Богу, не оставил на ней ни единого изображения и последующим поколениям запретил делать это. И Соломон, построивший впоследствии Иерусалимский храм, воздержался от всякого подобного излишества, придуманного Анионом. Также он говорит, что слышал от старцев, будто Моисей происходил из Гелиополя. Это означает, что сам он был еще молод, но поверил тем, кто по возрасту своему знал Моисея и был его современником. Однако даже о поэте Гомере, будучи сам грамматиком, он, пожалуй, не смог бы с уверенностью сказать, где его отечество, — как и о Пифагоре, который тоже родился совсем не недавно. В отношении же Моисея, который жил за столько лет до них, ему, оказывается, намного легче поверить рассказам старцев, — именно потому ясно, что он лжет. Что же касается времени, когда, по его словам, Моисей вывел из Египта тех самых прокаженных, слепых и хромых, то я не сомневаюсь в том, что этот достовернейший ученый повторяет писавших до него. Ибо Манефон свидетельствует, что евреи переселились из Египта в царствование Тетмоса, за триста девяносто три года до бегства Даная в Аргос, Лисимах в свою очередь — что это случилось при царе Бокхорисе, то есть на тысяча семьсот лет раньше, Молон[227] же и некоторые другие — как им вздумалось. Апион же, который без сомнения достоин доверия большего, нежели все остальные, определил исход с точностью — временем седьмой Олимпиады, и в первом ее году, говорит он, финикияне основали Карфаген[228]. При этом он упоминает о Карфагене, полный уверенности в том, что это послужит ему неоспоримым доказательством его правоты, и ему невдомек, что тем самым он изобличает самого себя. Ведь если верить финикийским письменным свидетельствам об основании этого города, то в них говорится, что царь Хиром правил задолго до основания Карфагена, многим ранее, чем те сто пятьдесят лет[229], о чем выше я уже приводил свидетельства финикийских источников, когда

говорил о том, что Соломону, построившему Иерусалимский храм, Хиром был другом и во многом помог ему при создании храма. Собственно же Соломон спустя шестьсот двенадцать лет[230] после исхода евреев из Египта построил храм. Назвав не глядя то же число изгнанников, что и Лисимах (он говорит, что их было 110 000 человек[231], он приводит до удивления убедительное объяснение, почему суббота называется так, а не иначе. «Шесть дней находясь в пути, — говорит Апион, — они заболели бубонами, и по этой причине на седьмой день остановились, найдя убежище в стране, именуемой ныне Иудея, и назвали этот день субботой, сохранив египетское слово, ибо заболевание бубонами египтяне называют саббатосисом»[232]. Посмеяться ли над этим вздором или наоборот вознегодовать на заключенную в этих словах бессовестную ложь? Понятно, что этой болезнью заболели все 110 000 человек. Однако, если они были слепыми, хромыми и больными всякой болезнью, как говорит о них Апион, они не смогли бы пройти и однодневного пути. Если же они были в состоянии преодолевать пустыню и к тому же победоносно сражаться с теми, кто оказывал им сопротивление[233], они вообще не должны были на седьмой день заболеть. Ибо не бывает так, чтобы это случалось с теми, кто совершает по необходимости подобные переходы — тысячи солдат постоянно преодолевают такие же расстояния, — как невероятно и то, что это произошло само по себе, — то была бы самая большая несообразность. Апион, которому можно только удивляться, сперва сообщил о том, что они пришли в Иудею через шесть дней, а затем говорит, что «Моисей взошел на гору, называемую Синай, которая находится между Египтом и Аравией, в продолжение сорока дней оставался сокрытым от всех, а затем, спустившись оттуда, дал евреям законы». Хотя каким образом и возможно ли вообще, чтобы одни и те же люди провели в безводной пустыне сорок дней и к тому же прошли ее всю в шестидневный срок? Также и в отношении названия субботы подмена слов выдает либо его величайшую бессовестность, либо вопиющее невежество[234]. Ведь слова «саббо» и «саббатон» весьма заметно разнятся между собой: «саббатон» на еврейском языке значит прекращение всякого дела, а «саббо», как он и говорит, означает у египтян бубонную болезнь.

3. (28) Вот такие новые сведения о Моисее и о переселении евреев из Египта сообщает египтянин Апион в дополнение к свидетельствам других писателей[235]. Следует ли удивляться тому, что он говорит неправду о наших предках, сообщая, что они по происхождению египтяне? Ведь о себе самом он лжет, говоря прямо противоположное. Хотя он родился в египетском Оазисе[236] и был, так сказать, чистейшим египтянином, он отрекся от своего

настоящего отечества и народа, и, заявляя, будто он александриец, тем самым признал неполноценность своего происхождения. Поэтому, разумеется, он называет египтянами тех, кого сам ненавидит и желает обесславить. Ведь если бы он не считал египтян людьми недостойными, сам он не стал бы отказываться от родства с ними, — как должно поступать людям, которые гордятся своим отечеством и питают благородное желание быть причастными его делам, а тех, кто не по праву посягает на общее с ними происхождение, разоблачают. По отношению к нам египтяне могут испытывать одно из двух: либо, возвеличивая себя самих, они станут признавать родство с нами, либо сделают нас причастными дурной своей славы. Благородный Апион, по-видимому, своими поношениями в нашу сторону как бы пожелал заплатить александрийцам за предоставленное ему право гражданства, и, зная их неприязнь к евреям, проживающим вместе с ними в Александрии, он решил опорочить их, а заодно — и всех остальных, оставаясь в обоих случаях бессовестным лгуном.

4. (33) Между тем давайте посмотрим, в каких таких страшных злодеяниях обвиняет он живущих в Александрии евреев. «Придя из Сирии, — говорит он, — они поселились у не изрезанного заливами берега, по соседству с морским прибоем»[237]. Уж если это место можно ругать, тогда он ругает Александрию, не настоящую свою, а названную родину. Ведь прибрежная ее часть, по общему признанию, для поселения весьма удобна. И даже если бы евреи силой захватили ее, так что смогли и впоследствии там удержаться, то это свидетельствует об их отваге. Но для поселения это место им выделил Александр, и с македонянами они получили равные права[238]. Я не знаю, что сказал бы Апион, если бы они поселились у Некрополя[239], вместо того чтобы занять местность, прилегающую к царскому дворцу[240]. Фила же их и поныне называется македонской. Если он читал послания царя Александра и Птолемея Лага, и знаком с грамотами последующих египетских царей, и ему доводилось видеть поставленную в Александрии колонну, на которой перечислены права, данные евреям великим Цезарем[241], — если, я повторяю, он знал все это и осмелился утверждать тому прямо противоположное, он просто негодяй, если же он ничего об этом не знал, то совершенный неуч. Право же, его удивление тому, что, будучи евреями, они называются александрийцами, говорит о подобном невежестве. Ведь все те, кто был призван в какую-либо колонию, даже если они сильно разнятся между собой происхождением, получают название по имени основателя. И нужно ли говорить о каких-то других народах, если те из нас, кто

живет в Антиохии, называются антиохийцами, и право гражданства предоставил им основатель Селевк[242]. Подобно тому и в Эфесе, и в остальной Ионии они имеют то же название, что и коренное население, и это право даровали им диадохи. Впрочем, римское великодушие позволило всем обходиться и без своего собственного названия — и не только отдельным людям, но и целым народам[243]. Так, в прошлом иберы, тирренцы и сабиняне именуются теперь римлянами. Если же Апион не признает такого гражданства, пусть больше не называет себя александрийцем. Ведь, как я прежде и говорил, он родился в самой отдаленной части Египта, и с чего бы ему быть александрийцем, если дарованное гражданство не имеет силы, как, по его словам, в нашем случае? Между тем одним только египтянам ныне господствующие над ойкуменой римляне отказали в праве какого-либо гражданства[244]. Он же настолько великодушен, что, удостаивая себя самого быть причастным тому, в чем было ему отказано, взялся при этом оклеветать тех, кто обладает этим преимуществом по законному праву. Ибо Александр не из-за недостатка в жителях поселил некоторых из наших соотечественников в построенном им с такой основательностью городе; лишь после того, как Александр совершенно убедился в их благонамеренности и преданности, он пожаловал нашим предкам сей дар. Ибо к народу нашему он относился с уважением, что подтверждает, говоря о нас, и Гекатей: ведь за послушание и верность, которые доказали Александру евреи, он отдал им во владение область самаритянскую, не облагая ее налогом (Ср. 1Мак **10**.30:38, 11.34). Подобно Александру к александрийским евреям относился и Птолемей Лаг. Ведь он доверил им египетские сторожевые посты[245], заранее зная, что они верой и правдой будут исполнять свой долг, и когда захотел утвердить свою власть в Кирене[246] и в остальных ливийских городах, он отправил туда на проживание часть еврейского населения. После него Птолемей, прозванный Филадельфом[247], не только возвращал всех попавших к нему в плен евреев, но и зачастую наделял их деньгами. И что самое главное, он пожелал узнать наши обычаи и познакомиться с книгами Священного Писания. Именно поэтому он попросил прислать ему тех людей, которые смогут сделать для него перевод Закона, а позаботиться о том, чтобы этот труд был исполнен с надлежащей тщательностью, он поручил не кому-нибудь, но повелел взять на себя эту обязанность Деметрию Фалерскому[248], Андрею[249] и Аристею[250] — тому самому Деметрию, славившемуся в свое время ученостью, и двум другим, собственным телохранителям[251]. В самом деле, он не пожелал бы изучить законы и древнюю нашу

мудрость[252], если бы не испытывал чувства восхищения перед людьми, которые живут по ним, или с презрением относился бы к ним.

5. (48) Впрочем, Апион не обратил ни малейшего внимания и на то, что почти все последовавшие за ним македонские цари, преемники Александра, отличались необыкновенным к нам расположением. Ведь и третий по счету Птолемей, называемый Эвергетом[253], после того как покорил Сирию, в ознаменование победы не египетским богам принес благодарственные жертвы, но прибыл в Иерусалим и совершил богатые жертвоприношения Богу по нашему обычаю и посвятил в храм дары, достойные его победы[254]. Птолемей Филометор[255] и его жена Клеопатра судьбу собственного царства всецело доверили евреям, и военачальниками над всем войском были евреи Ония[256] и Досифей[257], над именами которых Апион подшучивает, хотя следовало бы восхищаться их деяниям и не злословить, а испытывать чувство благодарности за спасение Александрии, которой он притязает быть гражданином. Ведь когда они [александрийцы] вели войну с царицей Клеопатрой и над ними нависала опасность неминуемой гибели, эти военачальники заключили мир и положили конец междуусобице[258]. Однако «после этого, — говорит он, — Ония пришел с небольшим войском в город, где находился римский легат Терм»[259]. И правильно сделал, смею сказать, и весьма справедливо. Ведь Птолемей, названный Фисконом, когда его брат Птолемей Филометор умер, отправился из Кирены вместе с его сыновьями, желая низложить Клеопатру[260], чтобы затем самому незаконно завладеть царством. Именно поэтому Ония стал продолжать войну на стороне Клеопатры и не поступился своей верностью царям, когда им угрожала опасность. Бог — свидетель справедливости его поступков. Ведь когда Птолемей Фискон принял решение сразиться с войском Онии, он схватил всех находившихся в городе евреев вместе с женами и детьми и, связав их и раздев донага, бросил под ноги слонам, чтобы те растоптали их; для этого он даже напоил животных вином, но случилось противное тому, что он ожидал. Слоны, не тронув евреев, устремились на его приближенных и истребили многих их них. Вслед за тем ему было ужасное видение, которое повелело не причинять этим людям никакого вреда. Также его любимая наложница (одни говорят, что ее звали Итака, другие — Ирина) умоляла его не совершать такого ужасного святотатства, и он уступил ей и раскаялся в том, что уже сделал или только собирался[261]. По этой причине все еврейское население Александрии, как известно, празднует этот день, ведь тогда с

очевидностью они удостоились избавления от самого Бога[262]. Апион же, хулитель всего и всех, взялся представить евреев виновниками войны, которую они вели против Фискона, хотя лишь должен был их за это почтить. Также он упоминает о последней египетской царице Клеопатре[263] и как будто нас упрекает в том, что она не испытывала к нам добрых чувств. Ему нет дела до того, что скорее нужно обвинять саму эту женщину, готовую на всякие несправедливости и злодеяния по отношению к своим родственникам, к своим мужьям, которые ее любили[264], по отношению ко всему римскому народу, и к императорам, которые были ее благодетелями. Она не остановилась даже перед тем, чтобы убить в храме свою сестру Арсиною[265], хотя та не причинила ей никакого вреда. Также и брат был погублен ее коварством[266]; к тому же она ограбила святилища отеческих богов и гробницы своих предков. И возведенная на престол первым Цезарем[267], она самонадеянно воспротивилась воле его сына и преемника и, изводя Антония своей любовью, сделала его врагом собственного отечества и заставила изменить своим друзьям, одних лишая царского достоинства, других в своем безумии[268] толкая на злодеяния. Однако о чем еще говорить, если она оставила его во время морского сражения — своего мужа и отца ее детей, и тем самым заставила вместе с войском предать принципат и последовать за ней? Когда же Александрия в последний раз была завоевана Цезарем, эта женщина дошла до того, что надеялась на спасение, если собственноручно истребит евреев[269]. Потому в жестокости и вероломстве ей нет равных. Неужели ты считаешь, что нам следует гордиться тем, что, как говорит Апион, в голодное время у евреев нет хлеба на столе?[270] Конечно, она получила должное возмездие. А мы более всего находим свидетеля нашей поддержки и той преданности, которую мы доказали ему в борьбе с египтянами, в лице самого Цезаря, а также в постановлениях сената и в посланиях Цезаря Августа, в которых с одобрением говорится о наших заслугах[271]. Апиону следовало бы познакомиться с этими документами и без предубеждения рассмотреть различного рода свидетельства о событиях, случившихся при Александре и при каждом из Птолемеев, а также и то, какие постановления принимал сенат и величайшие римские императоры. Если же Германик[272] не мог наделить хлебом всех жителей Александрии, то это лишь говорит о бесплодии и неурожае и не дает повода к обвинению евреев. Каково отношение императоров к проживающим в Александрии евреям, не для кого не секрет. Ведь помощь хлебом поступала от них ничуть не более, чем от остальных жителей Александрии[273]. А знак самого большого доверия, некогда оказанного им царями,

императоры пожелали сохранить (я имею в виду надзор за рекой и всеми сторожевыми постами) и никогда не считали их недостойными исполнять эту обязанность.

6. (65) Затем, Апион спрашивает: почему же, если они граждане, они не почитают тех же богов, что александрийцы? Я отвечу ему так: а почему, хотя вы и египтяне, однако постоянно и непримиримо враждуете между собой из-за веры[274]? И разве не потому всех вас мы называем египтянами или вообще не считаем за людей, что вы противно человеческой природе поклоняетесь животным, кормите их и всячески ублажаете? Наш-то народ, по крайней мере [в этом отношении], оказывается единым и постоянным. Если же среди вас, египтян, бытуют столь заметные разногласия во взглядах, почему же ты удивляешься людям, которые прибыли в Александрию из других мест и остались верны своим издревле установленным обычаям? Также он обвиняет нас в возмущениях. Но даже если это обвинение справедливо по отношению к александрийским евреям, на каком основании он распространяет его на всех остальных, которые, как известно, живут в мире и согласии? Тем более не для кого не секрет, что настоящими виновниками возмущений были александрийские граждане, подобные Апиону. Ведь пока греки и македоняне владели этим городом, они никогда не устраивали против нас никаких гонений и позволяли нам жить по древним обычаям. Однако, когда вследствие времени смут среди них возросло число египтян, то прибавилось и это явление. Между тем как наш народ всегда оставался несмешанным, сами они и положили начало всем этим бедам, поскольку их народ, не обладая сдержанностью македонян и благоразумием греков, усвоил, как видно, дурные египетские привычки, к которым прибавилась еще и давняя к нам неприязнь. Вот поэтому то, в чем они обвиняют нас, относится, наоборот, к ним же самим. Ведь многие из них получили права гражданства только потому, что называли иноземцами тех, кто, как известно, для всех и добился этого преимущества. Ведь никто из царей или из нынешних императоров, как известно, не даровал египтянам права гражданства. А нам позволил поселиться там Александр, цари возвысили нас, а римляне удостоили чести нести сторожевую службу. Апион не желает признавать этих наших заслуг, поскольку мы якобы не воздвигаем статуй императоров, как будто сами они об этом не знают и нуждаются в его заступничестве[275]. Ему скорее следовало бы восхищаться великодушием и терпимостью римлян, которые не заставляют покоренные ими народы нарушать отеческие законы, но довольствуются таким почитанием, которое для их подчиненных было бы законным и

благочестивым. Ибо они не дорожат теми почестями, которые воздаются им по насильственному принуждению. Конечно, у греков и у некоторых других народов почитается прекрасным создание изображений. Они приходят в неописуемый восторг, разукрашивая изваяния своих отцов, жен и детей, пусть даже некоторые из них вообще не имеют с ними никакого сходства. Иные же поступают так и со своими любимыми слугами. Потому разве удивительно, что они удостаивают подобных почестей своих правителей и властелинов? Однако наш законодатель запретил создавать изображения не потому, что, предвидя будущее могущество римлян, не считал нужным относиться к ним с уважением, но потому, что не видел в этом никакой пользы ни для людей, ни для Бога. К тому же, уж если он запретил изображать существа одушевленные, то тем более бестелесное Божество. Впрочем, иные почести, кроме божеских, он не запретил воздавать людям достойным, как мы и поступаем по отношению к императорам и римскому народу. Ибо мы постоянно совершаем за них жертвоприношения[276], и вовсе немаловажно, что они устраиваются у нас ежедневно на общественный счет[277] всех евреев. Ни в каких других случаях, даже за наших детей, мы не совершаем жертвоприношений на общественный счет, но только императорам мы воздаем эту исключительную почесть, которой не удостаиваем ни единого из людей. Итак, пусть написанное здесь послужит Апиону ответом на все то, что было сказано им об Александрии.

7. (79) Удивляют меня и те, которые стали его подстрекателями в этом деле, я имею в виду Посидония[278] и Аполлония Молона, ибо они тоже обвиняют нас в том, что мы не почитаем тех же богов, что остальные. Они также лгут и выдумывают не соответствующие истине небылицы о нашем храме, не считая при этом, что поступают скверно. Между тем весьма постыдно для всякого свободного человека из каких угодно соображений лгать, тем более что столь знаменитая святыня, как наш храм, всем хорошо известна. Апион осмелился утверждать, что в этом святилище «евреи поместили ослиную голову, воздавали ей почести и удостаивали ее всяческого поклонения[279]. Голова пропала тогда, — уверяет он, — когда Антиох Епифан[280] разорял храм и обнаружил, что она сделана из чистого золота и стоит немалых денег»[281]. Итак, сперва ему в ответ я замечу, что даже если бы у нас и было что-то подобное, то египтянин ни в коем случае не мог бы поставить нам это в вину, поскольку ослы ничуть не хуже кошек[282], козлов и прочих животных, которые почитаются у них богами. Затем, как же он не заметил, что его невероятная ложь разоблачается теми

сведениями, которые он сам же и сообщает? Ведь мы всегда руководствуемся одними и теми же законами, которым мы безгранично преданы. И когда наш город, также как и другие города, потрясали различные беды, когда Антиох Пий[283], Помпеи Магн[284], Лициний Красе[285] или в последний раз Цезарь Тит[286] в победоносной войне овладевали храмом, они ничего подобного там не находили, но только строжайшее благочестие, чего мы не можем сказать относительно других храмов. Впрочем, Антиох разграбил храм без всякого сколько-нибудь благовидного предлога; он пошел на это из-за нехватки денег, хотя и не был нашим врагом[287]. И когда он напал на нас — своих союзников и друзей — ничего достойного осмеяния он там не обнаружил. Многие уважаемые историки также свидетельствуют об этом — Полибий Мегаполитанский[288], Страбон Каппадокийский[289], Николай Дамасский[290], Тимаген[291], летописец Кастор[292] и Аполлодор[293]. Все они говорят, что Антиох нарушил свой договор с евреями из-за нехватки денег, потому-то он и разграбил храм, богатый золотом и серебром. Все это должен был принять во внимание Апион, если бы у него самого не было соображения осла и бесстыдства собаки[294], которую они боготворят. Ведь никаких иных оснований для этой лжи у него нет. Мы не поклоняемся и не воздаем ослам никаких почестей, в отличие от египтян с их крокодилами и змеями. Тех, кого ужалит змея или схватит крокодил, они почитают счастливцами, угодными богу. У нас же, как и у других благоразумных людей, ослы перевозят навьюченную на них поклажу. И если они заходят на поля и начинают жевать или не слушаются приказаний, то их при этом изрядно бьют — ведь они служат нам во многих делах, в том числе и в земледелии. Апион то ли сам был слишком невежественным, чтобы складно лгать, то ли, что более вероятно, собрав какие-то разрозненные сведения, оказался не в состоянии представить их в законченном виде, — раз ни один из его выпадов против нас не достигает цели.

8. (89) Он рассказал и другую порочащую нас басню об эллинах, в связи с чем вполне уместно заметить, что тому, кто берется рассуждать о благочестии, не худо бы знать, что· даже входить в храм менее пристойно, чем нечестиво разглагольствовать о священнослужителях. Однако они[295] стараются скорее оправдать этого нечестивого царя, чем сообщить справедливые и правдоподобные сведения о нас и о нашем храме. Так, желая угодить Антиоху и покрыть его святотатственное вероломство, которое по отношению к нашему народу он позволил себе из-за недостатка в средствах, они приписали нам вещи, которые мы будто бы намеревались совершить

впоследствии. Глашатаем всех остальных стал Апион, который сказал, что «Антиох нашел в храме ложе и лежащего на нем человека, перед которым был поставлен небольшой стол, исполненный изысканными яствами, плодами морскими и земными. Царь был поражен этому. А тот стал тотчас славить его приход, как будто он пришел оказать ему величайшую услугу, и, припав к его коленям и протягивая к нему правую руку, стал молить его об освобождении. Царь приказал ему, чтобы тот сел и рассказал ему, кто он такой, почему живет здесь, и откуда все эти яства, и тогда этот человек, обливаясь слезами, поведал ему жалобную историю о своем несчастии. Он сказал, — говорит Апион, — что по происхождению он эллин, и что когда он бродил по стране в поисках пропитания, его неожиданно схватили какие-то незнакомые люди, привели в храм и там заперли, и что ему ни с кем не позволяют видеться, хотя и откармливают всевозможными яствами. Поначалу эти бесчисленные видимые благодеяния доставляли ему радость, потом стали внушать подозрение и наконец, привели его в полнейшее недоумение. Когда же ему удалось расспросить об этом приходящих к нему слуг, тут-то он и узнал об ужасном еврейском обычае, ради которого его откармливали. Они совершают его каждый год в определенное время. Поймав какого-нибудь греческого бродягу, они в продолжение года кормят этого человека, затем, отведя в какой-то лес, убивают, тело его по своему обряду приносят в жертву и, вкусив от его внутренностей[296], во время жертвоприношения приносят клятву в том, что всегда будут ненавидеть эллинов. Вслед за тем останки этого человека они бросают в какой-то ров». Потом Апион сообщает, что тот будто бы сказал, что «жить осталось ему всего лишь несколько дней, и просил из уважения к эллинским богам посрамить коварных евреев в их кровавых замыслах и избавить от постигших его напастей»[297]. Подобная история исполнена не столько подлинной трагичности, сколько с очевидностью обнаруживает ужасающее бесстыдство. При этом она ничуть не оправдывает Антиоха в его святотатстве, на что рассчитывали те, кто ему в угоду все это написал. Ведь когда он входил в храм, у него и в мыслях не было встретить там что-либо подобное, но все произошло для него неожиданно. Потому, независимо от чьих-то желаний, он был нечестивцем и в не меньшей степени безбожником, сколь ни многочисленны потоки бессовестной лжи, которая весьма просто распознается из самого рассказа о событиях. Ведь не только по отношению к эллинам выясняется своеобразие наших законов, но более всего применительно к египтянам и ко многим другим народам. Людям из каких только стран не случалось побывать у

нас хотя бы однажды, но одних только эллинов, составив очередной заговор, мы избирали для пролития их крови[298] — и возможно ли, чтобы на эти жертвоприношения собирались решительно все евреи, и всем этим тысячам людей доставалось попробовать их внутренностей, как об этом говорит Апион? Почему же этого найденного в храме человека, кто бы он ни был (ведь имени его он не называет)[299], царь с почетом не препроводил в его отечество, в то время как, сделав это, он мог бы прослыть человеком благочестивым, особенно расположенным к эллинам и к тому же заручиться поддержкой многочисленных сторонников против ненавидящих его евреев. Однако оставим это: людей неразумных следует убеждать не голословно, но опираться на факты. Итак, все, кто видел здание нашего храма, знают его устройство[300] и его постоянную безупречную чистоту и святость. С четырех сторон он был окружен портиками, из которых каждый, согласно закону, имел собственную стражу. К внешнему портику подходить было позволено всем, в том числе и чужеземцам. Не допускались туда только женщины во время месячных очищений. Ко второму портику подходили только евреи и их жены, если только были ритуально чисты. К третьему — знатные евреи мужеского пола, прошедшие обряд очищения. К четвертому — только священники, одетые в священнические одежды, а в Святая Святых — только первосвященники также в соответствующем облачении. Порядок благочестия был настолько строг, что для священников было положено особое время, чтобы войти в храм. Тем, кто совершал жертвоприношения, надлежало приходить рано утром с открытием храма и уходить в полдень, перед его закрытием. Кроме того, в храм не разрешалось вносить никаких сосудов. Внутри находился только жертвенник, престол, кадильница и светильник — все, что предписано законом. Никакие посторонние или какие-то иные тайные священнодействия там не совершались, и не устраивались внутри никакие трапезы. Все прежде сказанное может быть с очевидностью засвидетельствовано всем народом, и можно также привести доказательства из действительных событий. Ведь хотя и существует четыре разряда священнослужителей[301], и каждый из них составляет более пяти тысяч человек, обязанности служения в храме они, однако, исполняют отдельно друг от друга в установленные дни, и когда заканчивают одни, совершать жертвоприношения приходят им на смену другие. Собравшись в храме в середине дня, они принимают от своих предшественников ключи и священные сосуды по счету, при этом они не приносят с собой ничего, что имеет отношение к еде или питью. Равным образом не позволено приступать с этими

предметами и к жертвеннику, за исключением того, что предназначено к жертвоприношению[302].

Что же ввиду всего этого сказать об Анионе, кроме разве что он, не обращая на это никакого внимания, сообщил сведения самые невероятные? Право же, стыдно, что ученый грамматик не в состоянии доказать истинных познаний в истории. Притом зная о благочестии нашего храма, он закрывает на это глаза, выдумывая историю с поимкой и немыслимым откармливанием какого-то грека, с обилием великолепных яств и какими-то нечестивцами, которые могут входить туда, где не позволено находиться даже самым знатным из евреев, если они не священники. Все это величайшее святотатство и нарочитая ложь, имеющая целью ввести в заблуждение тех, кто не пожелает разобраться в истине. В таких-то и тому подобных немыслимых злодействах, о которых здесь было сказано, нас пытаются обвинить.

9. (112) В свою очередь наш благочестивейший писатель, как бы в насмешку, прибавляет к своим пустейшим выдумкам еще одну[303]. По его словам, тот самый грек рассказал, что «когда евреи вели затяжную войну с идумеями (Ср. 1Мак **5**.3; 2Мак **10**.15:12.32), из какого-то идумейского города к ним пришел некий человек по имени Завидон[304], почитавший у себя бога Аполлона, и пообещал, что доставит им Аполлона Дорского[305]. Он сказал, что бог сам явится в наш храм, если все еврейское население придет и соберется там. Завидон соорудил какое-то деревянное приспособление и забрался внутрь. Снаружи он приделал светильники в три ряда и стал расхаживать в нем, так что издали казалось, будто землю посетила звезда[306]. Евреи, пораженные необычайностью зрелища, молча стояли поодаль. А Завидон тем временем преспокойно вошел в храм, сорвал золотую ослиную голову (какой остроумный поворот событий) и поспешил удалиться обратно в Дор». Не сказать ли и нам теперь, что Апион слишком тяжело навьючил осла (то есть себя самого) и уж совсем его перегрузил неподъемной ношей всякого рода глупостей и вранья? Он пишет о местностях вовсе несуществующих и по своему невежеству путает города. Ведь Идумея — страна, которая граничит с нами со стороны Газы[307], и там нет никакого города Дора. Между тем в Финикии Дором называется город у горы Кармель, но он не имеет ничего общего с россказнями Аниона хотя бы потому, что находится на расстоянии четырех дней пути от Идумеи[308]. И почему же тогда он все еще обвиняет нас в том, что у нас нет никаких общих с другими народами богов, раз наши предки с такой легкостью поверили, что к ним придет Аполлон, и были в полном

убеждении, что видят, как он со своими звездами расхаживает по земле? Светильников-то, понятное дело, они никогда прежде и в глаза не видели, хотя каких только — и сколько — не возжигается у них по праздникам[309]. Когда же он шел по стране, ни единый человек из многотысячного ее населения ему не повстречался, притом пустовали и стены, оставленные стражниками, несмотря на то, что была война Не говоря уже и обо всем остальном — ворота храма были высотою шестьдесят, шириною двадцать локтей, почти повсеместно покрытые позолотой или кованым золотом[310]; каждый день их запирало не менее двухсот[311] человек, и оставлять их открытыми было запрещено. Тем проще, рассудил Апион, наш свеченосец преодолеет их, если захочет, — тем более что ослиная голова была при нем. И что же, потом он снова возвратил эту голову нам, или ее заполучил сам Апион и предъявил Антиоху, чтобы тот поверил в его очередную сплетню?

10. (121) Совершенным обманом оборачивается и его история с клятвой, в которой мы будто бы клянемся Богом, сотворившим небо, сушу и воды, в вечной ненависти ко всем иноплеменникам, и в особенности к эллинам[312]. Уж если так, то следовало бы сразу сказать — в вечной ненависти ко всем иноплеменникам, и более всего к египтянам. Пожалуй, тогда ему бы удалось согласовать историю о клятве с прежними своими выдумками, — если уж соплеменниками его египтянами предки наши были изгнаны не в наказание за какие-то злодеяния, а по несчастной случайности. От эллинов же нас отделяет более расстояние, нежели обычаи, так что ни малейшей ненависти или вражды к ним мы не питаем. Напротив, случилось так, что многие из них принимали наше вероучение, но одни оставались ему верны, другие же, не выдержав его строгости, отпадали. К тому же никто никогда не говорил, что слышал от нас подобную клятву, за исключением Апиона, который, разумеется, слышал, потому что сам же ее и сочинил.

11. (125) Между тем можно только удивляться и всему тому, что от своего большого ума Апион напридумывал вслед за тем. По его словам, доказательством того, что законы, по которым мы живем, несправедливы, и что Бога мы почитаем не так, как подобает, служит то, что мы ни над кем не властвуем, но сами постоянно находимся в рабстве то у одного, то у другого народа, и что с нашим городом постоянно случаются какие-нибудь несчастия, — их-то собственный город[313] [т. е. Александрия], понятное дело, с незапамятных времен славился своим могуществом и не покорился даже римлянам, хотя, впрочем, можно было бы и не злоупотреблять великодушием последних. Ибо нет такого человека, который не подтвердил бы, что все

сказанное Анионом в полной мере относится к нему самому. Ведь очень немногим народам удавалось длительное время удерживать свое господство; изменившиеся обстоятельства заставляли их снова покоряться другим. Даже весьма многочисленный народ зачастую подпадал чьей-нибудь власти. И выходит, одни только египтяне, благодаря тому что боги, как он утверждает, бежали в их страну и спаслись там, превратившись в животных[314], обрели этот исключительный дар — не служить никому из покорителей Азии или Европы, — а уж египтянам-то, как известно, за целую вечность не удалось прожить на свободе ни единого дня, и даже не столько благодаря своим собственным правителям. Ибо как с ними поступали персы[315], разорявшие их города, разрушавшие храмы и убивавшие тех, кого они почитают богами, — и это случилось не однажды, но повторялось много раз, — об этом я умолчу, поскольку негоже уподобляться Аниону в его бесцеремонности, который, кстати сказать, не помнит о судьбе ни афинян, ни лакедемонян, из которых одних считают самыми мужественными, а других самыми благочестивыми все без исключения эллины. Не буду упоминать ни о царях, знаменитых своим благочестием, из которых самые прославленные[316] каких только несчастий не пережили за свою жизнь, — ни о пожарах, уничтоживших афинский акрополь[317], эфесский[318] и дельфийский[319] храмы и множество других, — и никто при этом не обвинял пострадавших, а только виновников. И тут нашелся наш новоявленный обвинитель Апион, который позабыл обо всех несчастиях, постигших его родной Египет. Просто его ослепил Сесострис[320], баснословный египетский царь. О наших же царях Давиде и Соломоне, которые подчинили себе многие народы, нам бы не хотелось говорить. Потому оставим их в стороне, хотя, впрочем, об общеизвестном Апион также не знает — что когда персы и их преемники македоняне господствовали над Азией, египтяне были ими покорены и во всем уподобились рабам, мы же сохраняли свободу и к тому же в продолжение почти ста двадцати лет[321], вплоть до времени Помпея Магна, властвовали над соседними городами. И когда все цари были повсеместно римлянами побеждены, одни только наши единоплеменники за свою преданность оставались их неизменными друзьями и союзниками.

12. (135) «Из нас якобы не происходили великие люди, изобретатели ремесел, например, или великие мудрецы». Тут же он перечисляет их имена — Сократа, Зенона, Клеанфа и тому подобных, и затем — самое поразительное из всего того, что он говорил, — к этим людям он причисляет и самого себя, говоря, что почитает за счастье, что Александрия имеет такого

гражданина. Он-то и нужен был сам себе в свидетели, поскольку всем остальным известно, что он гнусный шарлатан, порочный в жизни своей и в словах, так что об Александрии, пожалуй, следует только сожалеть, если она гордится таким человеком. А о наших соотечественниках, достойных ничуть не меньших похвал, знают те, кто познакомился с книгами о нашей древнейшей истории.

13. (137) На остальные его обвинения, пожалуй, следовало бы вообще не отвечать, чтобы ему самому предоставить обвинять самого себя и всех прочих египтян. Он ставит нам в вину то, что мы приносим в жертву животных и не употребляем в пищу свинины, а также смеется над обрезанием. Что касается закалывания домашних животных, то в этом мы нисколько не отличаемся от всех остальных народов, зато Апион подобными упреками лишь обнаруживает, что сам он по происхождению египтянин[322]. Ибо это его ничуть не встревожило бы, будь он эллин или македонянин. Они-то дают обеты приносить богам гекатомбы и поедают мясо жертвенных животных на пиршествах, но из-за этого на земле до сих пор еще не перевелся скот, чего так боится Апион. Между тем если бы все следовали египетским обычаям, на земле уже давно перевелись бы люди, и она наполнилась бы дикими зверями, которых они почитают за богов и потому прилежно откармливают. А если спросить его, кто из египтян, по его мнению, всех благочестивее и мудрее, он без сомнения назвал бы жрецов, потому что цари, как говорят, еще в глубокой древности возложили на них двоякую обязанность: богослужение и попечение о мудрости. Как раз они-то все и совершают над собой обрезание и воздерживаются от употребления в пищу свинины. Да и к тому же из остальных не найдется ни одного египтянина, который не приносил бы когда-нибудь в жертву свинью[323]. А потому не помутился ли Апион рассудком, взявшись глумиться над нами в угоду египтянам и обвиняя при этом тех, которые не только сами придерживаются осмеянных им обычаев, но и научили обрезанию других, о чем свидетельствует Геродот[324]? Именно поэтому, как мне кажется, Апион заслуженно понес соответствующее наказание за глумление над отеческими обычаями. Ведь он сам был вынужден сделать обрезание, когда у него появилось гнойное воспаление на детородном органе, но оно оказалось ему совершенно бесполезным, и он умер от загноения в страшных мучениях. Ибо следует строго придерживаться благочестия, уважать собственные законы и не хулить при этом чужие. Он же от своих уклонился, а наши оболгал. Таков был конец жизни Аниона, и мы на этом тоже заканчиваем свою речь о нем.

14. (145) Но поскольку и Аполлоний Молон, и Лисимах, и некоторые другие отчасти по незнанию, но главным образом по причине недоброжелательства к нам распространяют лживые и несправедливые слухи о нашем законодателе Моисее, представляя его колдуном и обманщиком, а также о предписаниях наших законов, утверждая, что они не научают нас никакой добродетели, а только пороку, — мне хотелось бы в немногих словах рассказать о нашем общественном устройстве в целом и коснуться некоторых частностей, насколько это будет в моих силах. Ибо тогда, я полагаю, станет очевидным, что законы, по которым мы живем, наилучшим образом располагают к воспитанию в нас богопочтения, добрых отношений между собой, любви ко всем людям, а также к справедливости, стойкости в трудах и презрению к смерти. Я прошу тех, кому случится познакомиться с моим трудом, отнестись к нему без предвзятости. Ибо я не имел в виду написать похвальное слово нам самим, однако считаю, что наиболее достойным и справедливым ответом всем тем, кто возводил на нас многочисленную клевету, будет апология, составленная на основании тех самых законов, по которым мы живем. С другой стороны, обвинение Аполлония против нас, в отличие от Ашюнова, не целостно, а разрознено и разбросано по всему его сочинению[325]. Он то принимается хулить нас за безбожие и человеконенавистничество, то укоряет нас в малодушии, а в одном месте, наоборот, ругает нашу безрассудную отвагу. К тому же он говорит, что мы самые бездарные из варваров и потому одни только мы не сделали никаких полезных для жизни изобретений. Все это, я считаю, будет опровергнуто с очевидностью, если окажется так, что наши законы, которые мы исполняем неукоснительно, предписывают совершенно обратное тому, что он говорил. Но раз уж я вынужден говорить об иных, несколько отличных обычаях других народов, то настоящие виновники этому те, кто пожелал умалить и оклеветать наши законы. Я полагаю, после этого им будет нечего сказать — ни что у нас вовсе не существует подобных постановлений, — ведь самые основные из них я приведу, — ни что мы не стремимся более всего на свете исполнять предписания своих же законов.

15. (151) Сделав это краткое отступление, в начале мне, пожалуй, следует сказать о само собой разумеющемся, — что от людей, живущих без порядка и закона, все те, которые пожелали приобщиться к ним и первыми ввели их у себя, отличаются послушанием и добротою нравов. Нет ничего удивительного в том, что всякий народ старается возводить свои обычаи к глубокой древности, чтобы не показалось, будто они подражают

другим, но что, наоборот, сами они указали всем остальным, что жить следует сообразно законам. При таком устроении их жизни доблесть законодателя состоит в том, чтобы избрать наилучшие законы и убедить тех, кто собирается по ним жить, в необходимости всех своих постановлений, доблесть же большинства — их неукоснительно соблюдать и ни при каких обстоятельствах ни в горе, ни в радости не изменять ни единого из них. Между тем я утверждаю, что всех упомянутых где-либо законодателей наш законодатель превосходит своей древностью. Ведь получается так, что и Ликурги, и Солоны, и локриец Залевк[326] и все прочие эллинские знаменитости по сравнению с ним родились чуть ли не на днях, причем в древности само слово, обозначающее «закон», было эллинам неизвестно, о чем свидетельствует сам Гомер, который нигде в своих поэмах это слово не употребляет[327]. Ибо в его время закона просто не было, а народы жили, руководствуясь какими-то неопределенными мнениями и повелениями парей. С тех пор и еще очень долгое время они продолжали пользоваться своими неписаными правилами и постоянно изменяли их в зависимости от обстоятельств. А наш законодатель, древнейший из всех (ибо с этим соглашаются даже те, кто во всем остальном высказывается против нас[328]), оказался наилучшим вождем и наставником своего народа и, взявшись устроить всю их жизнь согласно закону, убедил их это принять, а сохранить свои постановления в неприкосновенности поручил людям сведущим.

16. (157) Обратимся к самому первому из величайших его деяний. Когда наши предки решили покинуть Египет и возвратиться на родину, он повел за собой многие тысячи людей и благополучно преодолел с ними самые непреодолимые трудности, ведь им пришлось идти по огромной безводной пустыне и побеждать в сражениях врагов, оберегая при этом своих жен и детей вместе с добычей. Во всех без исключения случаях он показал себя выдающимся военачальником и мудрым наставником, который обо всех проявлял истинную заботу. Он убедил свой народ во всем положиться на него; они подчинялись всякому его приказу, но он ни разу не воспользовался властью для собственной выгоды. При всяком удобном случае вожаки повсеместно стремились к утверждению своей власти и тирании, а народ приучали к полнейшему беззаконию, однако этот человек, обладавший таким могуществом, напротив, считал, что следует жить благочестиво и относиться к своему народу с искренней благожелательностью — именно так, полагал он, ему более всего удастся проявить свою добродетель и избавить от верной гибели тех, кто поставил его над собою вождем. Он видел

перед собой благую цель и совершал великие деяния, и потому мы были уверены в том, что имеем в его лице божественного наставника и предводителя[329]. И прежде сам убедившись в том, что он мыслит и поступает во всем по воле Божьей, он подумал, что следует безотлагательно привести свой народ к осознанию необходимости этого. Ибо поверившие, что Бог видит их жизнь, удерживаются от совершения малейших проступков. Вот каким был на самом-то деле наш законодатель — не колдуном, не обманщиком, как о нем несправедливо говорят наши хулители, а подобно тому, как у самодовольных эллинов — Минос[330] и прочие позднейшие законодатели. Большинство из них приписывало свои законы [какому-нибудь божеству] — Минос, например, говорил, что получил оракулы своих законов от Аполлона в его дельфийском святилище, — причем то ли они считали, что оно так на самом деле и есть, то ли им казалось, что таким образом будет проще всех убедить. Кто из них дал самые правильные законы и кому удалось наиболее верно рассудить о вере в Бога, можно выяснить из сопоставления самих законодательств. Об этом-то и следует теперь поговорить. Итак, невозможно перечесть частных отличий в обычаях и законах у всех народов. Иные отдали власть самодержцу, иные нескольким избранным родам, иные доверили ее народу. А наш законодатель, отказавшись от всего вышеперечисленного, создал так называемую теократию[331], — если это слово не слишком искажает настоящий смысл, — отдав начальство и власть в своем государстве Богу и убедив всех единственно в Нем видеть причину тех благ, которые выпадают на долю всех и каждого и которые они [его соплеменники] ощутили, когда переживали трудные времена. От Него невозможно сокрыть ни единого поступка, ни человеческого помышления. А Сам Он, по словам законодателя, — нерожденный, вечно неизменный, превосходящий красотой всякое смертное существо, ведомый нам по Его действию, но непостижимый в своей сущности. О том, что мудрейшие из эллинов научились так мыслить о Боге после того, как он положил этому основание, я не стану сейчас говорить. А о том, что это хорошо и достойно естества и великолепия Бога, они засвидетельствовали с очевидностью. Ведь и Пифагор, и Анаксагор, и Платон, также как и все последовавшие за ними стоики, да и вообще почти все философы, мыслили именно так о существе Бога. Однако хотя и научая умозрению немногих, они все же не осмеливались преподать свое истинное учение большинству, объятому предрассудками. А наш законодатель, поскольку сам поступал в полном соответствии с законами, убедил не только своих современников, но и грядущим

поколениям внушил на века неколебимую веру в Бога. Причина этого также и в том, что по своему содержанию его законодательство далеко превзошло все остальные в действенной пользе. Ведь богопочтение он рассматривал не как составляющую часть добродетели, но его составляющими считал все остальные добродетели — я имею в виду справедливость, стойкость, целомудрие, согласие во всем между собой граждан. Ведь все наши поступки, досуг и разговоры немыслимы вне принятого у нас богопочтения, и ничто из того он не оставил без предписания или определения. Вообще существует два способа воспитания, образующих нравственное поведение, из которых первый состоит в поучении словом, а второй достигается через практическое упражнение душевных сил[332]. Так, прочие законодатели в отношении их расходились во мнениях и всегда один, казавшийся им более пригодным, предпочитали другому, как, например, лакедемоняне или критяне пользовались способом упражнения, не словесным, а афиняне и почти все остальные эллины то, что следует или не следует делать, предписывали законами, оставляя в небрежении воспитание нравственности делами.

17. (173) Наш законодатель самым тщательным образом сочетал оба эти способа[333]. Он не пренебрег нравственным упражнением и не отказался от словесного закона, но, начиная с самого произведения на свет и распорядка жизни каждого у себя в быту, ни единой мелочи не оставил на произволение тех, кто станет жить по этому закону. Напротив, он установил определения и точные правила относительно пищи — от чего должно воздерживаться и какую употреблять, — относительно общего распорядка жизни, сколько времени уделять трудам и, наоборот, отдыху, — чтобы живущие по нему, словно под властью отца или господина (Ср. Гал **3**.24), ни по собственному произволению, ни по незнанию не согрешали ни в чем. Он даже не оставил возможности оправдаться неведением, поскольку сделал знание закона самым важным и непременным условием воспитания и повелел слушать его не один раз, не два и даже не несколько раз, но каждую неделю собираться для чтения закона и подробно его изучать[334]. Право же, другие законодатели, сколько я знаю, на это совсем не обращали внимания.

18. (176) Большинство людей настолько далеки от того, чтобы жить согласно своим законам, что почти совсем не знают их, и только когда уже согрешат, от других узнают, что совершили преступление. И даже те, кто занимает у них самые высокие и ответственные должности, признаются в своем незнании, потому что для управления делами берут себе помощников[335], которые должны прежде всего знать законы. Из

нас же, кого о них ни спроси, тому скорее труднее будет назвать свое собственное имя[336], чем рассказать их все. Вот потому от самого раннего пробуждения сознания в нас мы изучаем их и имеем как бы начертанными в своем сердце. Преступник среди нас явление редкое, избежать же наказания за преступление невозможно.

19. (179) Прежде всего именно это стало причиной удивительного единодушия между нами. Ведь то, что мы имеем единое понятие о Боге и не различаемся между собой образом жизни и обычаями, способствует доброму согласию между людьми. Только у нас невозможно услышать противоречащих друг другу суждений о Боге, что по большей части свойственно всем остальным (не только всякий случайный человек ни с того ни с сего заговаривает с первым встречным об этом возвышенном предмете, но посягают на это даже некоторые из философов — одни в своих рассуждениях принимаются вовсе отрицать существование Бога[337], другие отрицают Его промышление о людях[338], — равным образом и в повседневных отношениях между нами не бывает разногласий, но все дела мы делаем сообща, с единой мыслью о Боге, согласной с нашим законом, которая гласит, что Он видит все. А что в повседневной жизни все должно сводиться к одному — к благочестию, о том можно услышать даже от женщин и прислуги.

20. (182) Именно вследствие этого некоторые и упрекают нас в том, что среди нас не было изобретателей каких-нибудь словесных или практических новшеств. Ведь все остальные почитают своим долгом не следовать ни единому из отеческих установлений и проявления величайшей мудрости обнаруживают в тех, кто осмелился более всего от них отступить. Мы же, напротив, полагаем, что добродетель и благоразумие только в том и состоят, чтобы вообще ничего не совершать и не помышлять вопреки изначально установленным законам. Именно это, пожалуй, и является очевидным доказательством совершенства нашего законодательства. Ведь все попытки внесения исправлений говорят о недостатках существующих законодательств.

21. (184) Для нас, убежденных в том, что данный нам закон изначально сообразован с волей Божьей, было бы уж слишком большим неуважением не хранить его. Ибо что же тогда в нем изменять, и чего же еще искать, и чему хорошему можно научиться у других народов? Разве что целиком позаимствовать у них иное государственное устройство? Но какое же из них окажется лучше и справедливее того, в котором высшим правителем над всеми избран Бог, священникам доверено сообща

заниматься важнейшими делами в государстве, а возглавлять их, в свою очередь, поручено первосвященнику, одному из них? Законодатель сразу удостоил их этого звания не за богатство и не вследствие какого-то другого случайного преимущества, но доверил это особое служение Богу тем, кто отличался среди остальных его соотечественников послушанием и благоразумием. На них было возложено неусыпное попечение о соблюдении закона и обо всех остальных жизненно важных вопросах[339]. Ведь и присматривать за всем, и разбирать возникающие споры, и наказывать тех, кому вынесен приговор, были поставлены священники[340].

22. (188) Потому какая же еще власть священнее этой? И какое почитание больнее, чем это, приличествует Богу? Весь народ укоренен в благочестии, особое попечение об этом возложено на священников, вся общественная жизнь совершается подобно обряду. Ведь то, чему иноплеменники в течение всего нескольких дней с усердием посвящают себя, но потом более не выдерживают, — что называется у них таинствами и посвящениями, — мы с большим воодушевлением и неизменным чувством совершаем постоянно. Каковы же сами эти запрещения и требования? Они просты и понятны. Первое, которое толкует о Боге, гласит: Бог объемлет все, будучи благим, всесовершенным, довлеющим самому себе и всему, он начало, середина и конец всего. Он проявляет себя в своих действиях и благодеяниях и более очевиден, чем что бы то ни было, но вид Его и величие нам недоступны, ибо всякое даже самое драгоценное вещество, взятое для создания Его образа, недостойно, всякое искусство в своих средствах изображения бессильно. Ни о чем подобном мы и не помышляем, и само изображение есть для нас грех. Мы видим перед собой Его творения — свет, небо, солнце, луну, воды, рождение живых существ, созревание плодов. Все это Бог сотворил не руками, не с каким-то усилием или с чьей-то помощью, но лишь по его благому желанию все тотчас возникло в совершенстве. Всем должно повиноваться Ему и почитать Его, упражняясь в добродетели, ибо это и есть лучший способ почитания Бога.

23. (193) Един храм единого Бога (ведь подобное всегда стремится к подобному[341]) — общий для всех общего для всех Бога[342]. В нем постоянно служат священники, а главенствует над ними всегда первенствующий по роду. Вместе с другими священниками ему надлежит совершать жертвоприношения Богу, охранять законы, разрешать споры, наказывать повинных в беззаконии. А кто ослушается его, понесет наказание как согрешающий против Самого Бога. Мы приносим жертвы не ради

собственного насыщения и опьянения (ибо это неугодно Богу и может оказаться причиной разнузданности и мотовства), но со скромностью, простотой и соблюдением порядка, сохраняя при этом величайшее благоразумие[343]. При жертвоприношениях должно молиться прежде всего за всеобщее спасение, затем за себя самих (ведь мы созданы для сообщества людей), и тот, кто предпочитает его собственному благу, более всего угоден Богу. Призывать Бога в молитвах и просить Его нужно не для того, чтобы Он подавал нам блага (ибо Он Сам, по своему усмотрению уже даровал их всем в надлежащей мере), но чтобы мы могли их принимать и, получив однажды, хранить. Кроме жертвоприношений закон установил также очищения после похорон, от [внебрачного] ложа, от соития с женщиной и от многого другого, о чем было бы излишним сейчас говорить. Таково наше понятие о Боге и о служении Ему, которое само по себе и есть закон[344].

24. (199) Каковы же постановления о браке? Закон признает только естественное совокупление с женщиной, и только в том случае, если оно совершается для рождения детей[345]. Совокупление же мужчин между собой он почитает мерзостью, и смерть полагается тому, кто это совершит (Лев. **20**.13:18.22, 29). Женитьбу ради приданого он запрещает, также как и насильственное похищение и склонение хитростью или обманом, но повелевает просить руки невесты у человека, имеющего право выдать ее замуж, если к тому нет препятствий в родственных отношениях. [Жена, говорит закон, во всем хуже, чем муж. Именно потому она должна подчиняться, но не с тем, чтобы муж превозносился над ней, а чтобы она направлялась им, ибо Бог дал власть мужчине][346]. Должно, чтобы муж совокуплялся с нею одной[347], а соблазнять жену другого беззаконно. Если же кто совершит это — изнасилует девушку, давшую согласие другому, или соблазнит замужнюю женщину (Лев. **20**.10; Втор **22**.22–27) — ему не избежать смерти. Закон повелевает воспитывать всех своих детей. И запрещает женщинам истреблять или вытравлять плод, а если бы это обнаружилось, она почиталась бы детоубийцей, которая губит жизнь и сокращает человеческий род[348]. Именно потому, если кто-то совершит насилие или прелюбодеяние, то он уже не может быть чистым. Также и после законного совокупления мужа и жены закон требует совершать омовение (Лев. **15**.18). Ибо при этом оскверняется и душа, и тело, как бы оказавшись на чужбине. Ведь душа, пребывающая в теле, страдает, и с приходом смерти снова тотчас отделяется от него[349]. Именно потому во всех подобных случаях закон предписывает очищения.

25. (204) Кроме того, при рождении детей он не только запрещает устраивать пиршества и подавать тем самым повод для пьянства (но предписывает с самого начала подходить к воспитанию с благоразумием)[350] и повелевает детям обучаться грамоте, изучать законы и знать о деяниях предков, чтобы одним подражать, а на примерах других воспитываться, и никогда не преступать законы, оправдываясь их незнанием.

26. (205) Что касается обрядов над умершими, то по закону не полагается устраивать ни пышных погребений, ни богатых надгробных памятников, и заботиться о похоронах надлежит ближайшим родственникам. При погребальном шествии закон обязывает всякого присоединиться к нему и вместе с остальными оплакать покойника. Затем следует и дом, и живущих в нем подвергнуть очищеншо, чтобы тем более человек, совершивший убийство, не думал при этом о себе, что он чист[351].

27. (206) Почитанию родителей закон отводит следующее место после почитания Бога (Исх **20**.12:21.17; Втор **5**.16), и того, кто не воздает им за полученные от них благодеяния и хоть в чем-то от этого уклоняется, он повелевает предавать побиванию камнями (Втор **21**.18). По закону более молодые люди должны почтительно относиться к старшим (Лев. **19**.32), поскольку старше всех Бог (Ср. Дан **7**.9). Также он не позволяет ничего скрывать от друзей, ведь нет дружбы там, где нет доверия во всем[352]. Даже если случается между друзьями ссора, он запрещает разглашать общие секреты. Если какой-нибудь судья примет подношение, наказанием ему будет смерть (Исх **23**.8; Втор **16**.19:27.25). Отвергающий мольбу о помощи, когда может помочь, несет ответственность. То, что сам не отдавал, не получишь назад. Нельзя прикасаться к чужому и, если даешь в долг, запрещается получать от этого прирост. [Это и многое другое, подобное тому, весьма способствует добрым отношениям между нами.][353]

28. (209) Стоит упомянуть и о том, какого мнения придерживался наш законодатель о терпимости к иноплеменникам. Ему, как станет ясно, лучше всех удалось предупредить опасность того, что мы исказим свои законы или будем враждебно относиться к тем, кто избирает для себя жить по ним. Ведь сколько бы ни приходило к нам чужеземцев с желанием подчиняться тем же законам[354], что и мы, он всех принимает дружелюбно, полагая, что родство возможно не только по общности происхождения, но и вследствие избрания [единого] образа жизни. С теми же, кто без всякой цели приходит к нам, он не допустил никакого смешения в обычаях.

29. (211) Также он сделал предписания и относительно всего

остального, в чем нуждаются люди, — следует предоставлять всем, кому это необходимо, огонь, воду, пищу, указывать дорогу (Втор **27**.18), никого не оставлять без погребения (Втор **21**.23). И не быть слишком жестокими по отношению к врагам. Ибо он не разрешил опустошать их страну огнем[355] или вырубать плодовые деревья (Втор **20**.19) и запретил грабить тех, кто пал в битве[356]. И о пленниках он проявил заботу, чтобы оградить их от поругания, в особенности женщин (Втор **21**.10, Ср. Нав **10**.24). В своем желании воспитать нас в кротости и человеколюбии он не забыл даже о бессловесных животных. Он допустил использование их только сообразно закону, а любое другое запретил[357]. Тех животных, которые приходят к человеческому жилью, как бы прося защиты, он не позволил убивать. И запретил забирать из гнезда родителей с их детенышами (Втор **22**.6). И даже в неприятельской стране он предписал щадить рабочий скот и не убивать[358]. Так по отношению ко всему он велел проявлять милосердие, одни из вышеназванных законов учредив для поучения, а другие, наоборот, для наказания тех, кто их неоправданно преступил.

30. (215) Наказание для большинства преступников — смерть, будь то прелюбодей (Лев. **20**.10), насильник (Втор **22**.23), мужеложец (Лев. **20**.13) или тот, кто на это согласился. Столь же неумолим закон и по отношению к рабам[359]. И если кто обманет мерою или весом, или поведет незаконное дело хитростью, если присвоит чужое, или потребует назад то, чего не давал, за все полагаются наказания, и не такие, как у других народов, а гораздо более строгие (Ср. Лев. **19**.11–13:35—36; Втор **25**.13). За несправедливости к родителям или за непочтение к Богу, даже если кто только собирается это совершить, тотчас наказывается смертью (Втор **21**.18; Лев. **24**.13). А поступающие во всем согласно закону в награду за это получают не серебро, не золото, не масличный[360] или сельдереевый[361] венок и тому подобные знаки всеобщего признания, но всякий, сознавая это, может в глубине души быть уверен о том[362]. Я бы не решился здесь об этом писать, если бы сами события не говорили о том, что уже не раз многие наши соотечественники предпочитали с достоинством претерпевать всевозможные мучения, нежели хотя бы единое слово произнести вопреки закону.

31. (220) [Впрочем, даже если бы случилось так, что людям было бы ничего не известно ни о существовании нашего народа, ни о нашем добровольном послушании законам][363] и при этом кто-нибудь стал бы уверять эллинов в том, что ему самому удалось написать [такие законы], или взялся бы утверждать, что где-то еще за известными нам пределами земли он повстречал

людей, которые имеют столь же возвышенное понятие о Боге и на протяжении веков твердо хранят верность столь же совершенным законам, мне кажется, им всем должны были бы броситься в глаза непрестанные попытки внесения изменений в их собственные законодательства. Безусловно, всех тех, кто брался что-либо подобное для государства или законодательства написать, это обстоятельство не позволяет причислить к людям, создавшим нечто замечательное, а лишь убеждает в том, что они исходили из ложных оснований. Я оставляю в стороне всех прочих философов, которые писали об этом в своих сочинениях. Но даже Платон, пользующийся у эллинов необычайным уважением за возвышенную чистоту жизни и значимость и убедительность своих слов, чем в философии он смог превзойти всех остальных, до сих пор подвергается чуть ли не издевательствам и насмешкам со стороны тех, которые мнят себя знатоками государственного устройства[364]. Хотя при ближайшем рассмотрении у него можно обнаружить для многих более приемлемые и близкие нормы жизни. Сам же Платон признавал, что доверять невежественной черни истинное понятие о Боге небезопасно[365]. Однако они считают, что учение Платона — всего лишь пустые слова, сказанные с большим искусством ради красоты слога. Более же всего из законодателей они превозносят Ликурга и все в один голос возвеличивают Спарту, потому что она оставалась неизменно верной его законам[366]. В самом деле, следует видеть в этом доказательство того, что повиновение законам есть добродетель. Но пусть почитатели лакедемонян сопоставят тот промежуток времени с более чем двухтысячелетней историей нашего государства[367] и кроме того учтут, что лакедемоняне соблюдали собственные законы неукоснительно, пока были свободны, но когда счастье изменило им, они почти совершенно о них позабыли. А мы, изведавшие на себе крайнее непостоянство судьбы из-за сменяющих друг друга властителей Азии, в величайшей нужде и опасностях не предали своих законов, причем следовали им не ради своего удовольствия или успокоения, но — если в этом разобраться, — требования, которые они предъявляют к нам, гораздо более серьезные и трудноисполнимые, чем у лакедемонян с их мнимой суровостью. Им-то не приходилось ни возделывать землю, ни заниматься ремеслом. Они были свободны от всякого труда, и только и делали, что холили себя и упражнялись, достигая красоты своего тела, притом жили они в городе и для исполнения всех жизненно необходимых работ использовали слуг, которые в достатке обеспечивали их съестными припасами[368]. А к этому и впрямь [полагается] только одно человеколюбивое и достойное занятие

— испытывая добровольно всевозможные труды и лишения, одерживать победы над теми, с кем им случалось воевать. Впрочем, я уж и не говорю о том, что они были совсем не герои. Ведь не только по одиночке, но зачастую и все разом, не взирая на предписания своего закона, они прямо с оружием сдавались в плен врагу[369].

32. (232) Ну, а у нас — я даже не говорю о стольких случаях, — но известно ли хотя бы два или три, когда кто-то отступился бы от закона или испугался смерти, причем я не имею в виду ту легкую смерть, которой умирают в сражении, но смерть под пыткою, самую мучительную из всех? Именно потому я считаю, что некоторые из тех, кто одерживал над нами победу, не из чувства ненависти к побежденным подвергали нас пыткам, но потому что хотели посмотреть на удивительное зрелище — что есть какие-то люди, уверенные в том, что для них существует только одно зло — не выстоять и сделать что-то вопреки законам или нарушить их хотя бы единым словом. В самом деле, не следует удивляться тому, что мы, в отличие от всех остальных, мужественно умираем за наши законы. Ибо остальным не легко исполнить и то, что из числа прочих наших обычаев кажется менее всего обременительным — я имею в виду ручной труд, непритязательность в пище, а также предписания — даже в тех случаях когда желание велико — без разбора ничего не есть и не пить из того, что под руку попадется, к тому же избегать прелюбодеяний и роскоши и не проводить жизнь в праздности. Наши единоверцы, даже когда бросаются на врагов врукопашную или отражают их натиски, и тогда не забывают о своих жизненных предписаниях. Вследствие все той же верности в таких случаях требованиям закона нам отрадно сознавать, что и там мы поступаем по достоинству.

33. (236) К тому же всякие Лисимахи и Молоны, и прочие подобные им писатели — они же негодные софисты и обманщики несмышленых юношей — называют нас самыми сквернными из людей. Самому мне не хотелось бы обсуждать обычаи других народов. Ведь предками нам заповедано хранить наши собственные законы и не нападать на чужие. Тем более что наш законодатель именем Самого Бога однозначно запретил насмехаться и хулить почитаемых у других народов богов[370]. Но раз наши обвинители думают опорочить нас, сравнивая с другими, то невозможно отмалчиваться, а с другой стороны, предстоящее рассуждение придумано не нами, но опирается на мнения людей весьма почтенных, мы же всего лишь их собираем. Ибо кто из величайших эллинских мудрецов не осуждал самых прославленных поэтов и наиболее уважаемых законодателей за

то, что они изначально распространили в народе такие представления о богах? Сколько их было числом, они определяли по собственному усмотрению, производя их друг от друга и выдумывая всевозможные способы их порождения. Словно животных по породам, они подразделяли их в зависимости от местопребывания и образа жизни на подземных, морских, притом древнейшие из них были заключены у них в тартар. А тем из богов, кому досталось небо, они назначили так называемого отца, который на самом деле был для них тираном и деспотом. Именно потому против него составляется заговор его жены, брата и дочери, порожденной им из собственной головы, которые якобы собирались схватить его и низвергнуть, также как некогда он сам своего собственного отца[371].

34. (242) Все это естественно приводит здравомыслящих людей в возмущение или просто вызывает смех, раз среди богов одни, оказывается, безбородые мальчуганы, другие — умудренные сединой старцы[372], а из прочих каждому поручено заниматься своим делом — один кует[373], другая ткет[374], кто-то воюет с людьми[375], а иные играют на кифаре или не прочь пострелять из лука[376]. И наконец — случающиеся между ними распри и препирательства из-за людей, причем дело доходит до того, что они не только друг другу причиняют вред, но и от людей получают раны и потом от этого мучаются и страдают[377]. Но что поистине возмутительнее всего, — как можно чуть ли не всем божествам, — и богам, и богиням, — приписывать необузданное любовное влечение и постоянные соития [с людьми]? К тому же сам первенствующий среди них благородный отец преспокойно взирает на то, как соблазненных и забеременевших от него женщин заключают в темницу или топят в море[378]. Детей своих он также не в состоянии избавить от тяготеющего над ними проклятия и без слез пережить их утрату. Забавно, однако, и все остальное, что из этого следует — боги на небе настолько бессовестны в своем любовании развратом, что некоторые из них даже признаются в своей зависти к тем, кто в нем запутался[379]. Впрочем, чего же еще от них ожидать, если даже почтеннейший царь не смог сдержать своей страсти к жене хотя бы до того, как войдет с нею в спальню[380]? А те боги, которые якобы были в услужении у людей — одни строили за плату дома[381], другие нанимались пастухами[382], а иных даже заключали в медную темницу наподобие преступников[383], — кто из здравомыслящих людей сможет не возмутиться теми, кто это придумал, и не осудить величайшую глупость всего того, о чем здесь говорилось? И страх, и робость, и даже бешенство и коварство, и каких только еще самых гнусных страстей не

приписали они природе и облику божества. А богам, имеющим добрую славу, целые города по их научению приносили жертвы. Именно потому они оказались в крайне затруднительном положении, когда одних богов им следовало почитать дарователями всевозможных благ, а других величать губителями. Потому-то их, как самых отъявленных негодяев из людей, они осыпают дарами и подношениями, убежденные в том, что их не постигнет очередное ниспосланное ими несчастие, если за это заплатить.

35. (250) Однако в чем же причина стольких разногласий и ошибочности в суждениях о божестве? Что касается меня, я вижу ее в том, что изначально их законодатели не уразумели, что есть истинная природа Бога, и в соответствии с тем, насколько им не удалось составить себе об этом отчетливого представления, они создали иной [отличный от нашего] порядок государственного устройства; при этом, словно не придавая этому никакого значения, они позволили поэтам вводить каких им вздумается богов, благо те все стерпят, а ораторам — через всеобщее голосование проводить постановления, допускающие к ним чужеземные божества. Художники и ваятели также не преминули воспользоваться полученной ими от эллинов величайшей свободой, всякий из них сам выдумывал какой-нибудь новый образ божества и лепил его из глины или рисовал. А у самых прославленных из них были для этого золото и слоновая кость, предполагающие долговечность их созданий. [Одни храмы стоят в совершенном запустении, а другие усердно посещаются, изобилуя всевозможными приношениями за очищения.][384] Затем боги, которые прежде были в почете, состарились. Также и следующие за ними, если можно так выразиться, оттесняются на второй план. А остальным, заново введенным, воздаются почести [так что святилища брошены и пустуют, о чем мы прежде сказали в отступлении][385]. Из храмов одни пустуют, а новые строятся теперь кем угодно по человеческому произволению, хотя следовало бы, наоборот, хранить в неприкосновенности само понятие о Боге и воздаваемое Ему почитание.

36. (255) Так и Аполлоний Молон был из числа людей недалеких, но самонадеянных. Однако истинным эллинским философам все прежде сказанное было известно, и они прекрасно знали настоящую подоплеку иносказательных толкований. Именно потому они относились к ним с недоверием, а с нами были согласны в том, какое представление о Боге истинно Ему подобает. Так Платон говорит о том, что ни одного поэта не следует допускать в государство, и почтительно выпроваживает самого Гомера, предварительно увенчав его лаврами и возлив на

него елей, чтобы тот своими баснями не искажал истинного понятия о Боге[386]. При этом Платон более всего подражает нашему законодателю[387], — хотя бы потому что с такой строгостью не предписывает никакого иного воспитания для граждан, кроме подробнейшего изучения всех законов[388]. К тому же он решил, что не следует смешиваться с кем попало из чужеземцев, заботясь о том, чтобы государство состояло исключительно из законопослушных граждан[389]. Не принимая во внимание всего этого, Аполлоний Молон взялся обвинить нас в том, что мы не допускаем к себе людей, придерживающихся иных представлений о Боге, и не желаем иметь ничего общего с теми, кто предпочитает жить по другим обычаям. Однако это свойственно не только нам, и не только вообще всем эллинам, но и самым прославленным среди них. Лакедемоняне всегда высылали из страны чужеземцев, и своим согражданам запрещали ее покидать, подозревая и в том, и в другом случае величайшую опасность для своих законов[390]. Тогда, пожалуй, их тоже — и не без основания — следовало бы обвинять в нетерпимости, поскольку ни единому человеку они не предоставили права гражданства и не позволили проживать у себя. Мы также не считаем возможным подражать обычаям других народов, но при этом с радостью принимаем тех, кто согласен жить по нашим. Пожалуй, именно это и есть, как мне кажется, очевидное доказательство нашей терпимости и великодушия.

37. (262) Я не стану более говорить о лакедемонянах. Что же касается афинян, которые считали свой город открытым для всех, то Аполлоний просто не знал, как на самом деле они ко всему этому относились: ибо всякого, кто произнес о богах вопреки законам хотя бы слово, они наказывали беспощадно. В таком случае, отчего же, как не от этого, погиб Сократ? Город свой он врагам не предавал, никакого храма не грабил, но поскольку давал новые клятвы и, как иные утверждают, говорил не то в шутку, не то всерьез[391], что какое-то божество ему подсказывает, он был приговорен к смерти и принял чашу с ядом. Его обвинитель привлек его к суду за то, что он развращает юношей, наставляя их с презрением относиться к исконному государственному устройству и законам. Такая участь постигла Сократа, гражданина Афин. Был также и Анаксагор из Клазомен[392], который утверждал, что солнце само по себе есть раскаленная глыба; однако афиняне считали солнце богом, и уже приговорили было Анаксагора к смерти, если бы не всего лишь несколько камушков. И за поимку Диагора Мелосского[393] была объявлена награда в один талант, потому что тот, как известно, позволил себе насмехаться над их мистериями. Также и

Протагор[394], если бы вовремя не бежал, был бы схвачен и казнен, потому что осмелился написать о богах нечто несогласное с общепринятым у афинян мнением. Впрочем, стоит ли удивляться тому, что они поступали так с достойнейшими мужами, если не щадили даже женщин? В свое время они признали достойной смерти некую жрицу, когда кто-то обвинил ее в том, что она вводит в мистерии чужих богов[395]. По их закону это было запрещено и в наказание тем, кто вводит чужеземное божество, полагалась смерть. Понятно, что люди, имеющие такой закон, принятые у других народов божества богами не считали, В противном случае они не стали бы себя же ограничивать их числом. Итак, у афинян дела шли своим чередом[396]. Но даже скифы, находящие удовольствие в убийстве людей и мало чем отличающиеся от диких зверей, — и те считали, что следует сохранять в чистоте собственные обычаи. Так, они умертвили Анахарсиса[397], восхищавшего эллинов своей мудростью, поскольку тот по возвращении от них оказался всецело пропитанным эллинским духом. И у персов также можно обнаружить множество случаев наказания людей смертью по той же причине. Причем о персидских законах Аполлоний, уж конечно, был самого высокого мнения, и даже ими восхищался, поскольку эллинам поневоле пришлось испробовать на себе их прославленное мужество и свойственное им единодушие в понятиях о божестве, — особенно когда те дотла сжигали их храмы и чуть было совсем их не поработили. Потому-то он и стал приверженцем всех персидских обычаев, насилуя чужих жен и оскопляя мальчиков[398]. У нас же полагается смерть, даже если учинить подобное беззаконие и по отношению к бессловесному животному[399]. А заставить нас отступиться от этих законов не может ни страх перед победителями, ни желание подражать почитанию чужих святынь. Мы воспитывали в себе не то мужество, которое нужно для ведения войны ради наживы, а то, с которым должно соблюдать собственные законы. Именно потому мы терпеливо переносим все прочие беды, и только когда нас заставляют нарушить наши законы, мы бесстрашно вступаем в жестокую войну и стойко переносим все несчастия, вплоть до самых страшных. Чего ради стали бы мы подражать чужим законам, если мы видим, что они не исполняются даже теми, кто сам их учредил? Ведь почему бы лакедемонянам не отказаться от полностью закрытого устройства своего государства и от презрительного отношения к браку, а элейцам и фиванцам — от своего противоестественного и уж слишком откровенного мужеложства? Так, всего того, что ранее признавалось у них полезным и прекрасным, пусть даже на деле им и не удалось

избавиться от этого совершенно, они теперь не признают, но дополнительно вводят об этом законы, которые некогда обладали у эллинов такой силой, что даже богам приписывали мужеложство, а уж потом, естественно, допускали кровосмесительные браки с родными сестрами, тем самым оправдывая свой разврат в самых противоестественных и непристойных удовольствиях.

38. (276) Я не буду говорить здесь о наказаниях, — о том, какие поблажки большинство законодателей заранее предоставили разным негодяям, назначив за прелюбодеяние денежный штраф[400], а за изнасилование — обязательный брак[401], и какие отговорки они предусмотрели для безбожников и святотатцев на тот случай, если бы кому-то пришло в голову в этом разбираться. У большинства народов преступать законы превратилось в своего рода привычку, но только не у нас. Пусть мы лишимся всего — богатства, своих городов и прочих наших благ, но закон пребудет нерушимым. И ни один еврей не сможет настолько удалиться от своего отечества и не устрашится жестокости никакого владыки настолько, чтобы убояться всего этого больше, чем неисполнения закона. А потому, раз уж мы с таким почтением относимся к соблюдению своих законов, то им следует признать, что наше законодательство наиболее совершенное. Если же они считают, что законы, которые мы исполняем столь ревностно, дурны, то почему бы им в таком случае самих себя не признать виновными в неисполнении своих самых совершенных законов? Впрочем, если считать, что время — лучший судья, то именно его я и хотел бы призвать в свидетели преимущества нашего законодателя и правильности того понятия о Боге, которое он передал. Ведь с тех пор прошло столько лет, что если сопоставить по времени нашего законодателя со всеми прочими, то окажется, что он далеко превосходит их всех.

39. (280) Мы засвидетельствовали перед всеми остальными народами преимущества наших законов, которые неизменно приобретают себе все новых сторонников из их числа. Эллинские философы были первыми, кто осознал саму необходимость бережного отношения к древним обычаям. Они стали придерживаться этого в своих делах и учении, имея похожие понятия о Боге, уча простоте жизни и добрым отношениям между людьми. И даже не только они, но и простой народ издавна стремился подражать нашему благочестию, и нет ни эллинского, ни варварского города, и ни единого народа, у которого не было бы обычая почитать седьмицу[402], когда мы отдыхаем от трудов, и не соблюдались бы посты[403], обычаи зажигания свечей[404], а также многочисленные из бытующих у нас предписаний относительно

пищи. Они стараются подражать также и нашему взаимному согласию и благотворительности, трудолюбию при всяком деле и нашей непоколебимой верности законам во всяком несчастии[405]. Но более всего удивительно то, что закон имеет силу сам по себе, не увлекая никакими прелестями и наслаждениями. Подобно тому, как Бог повсюду присутствует в мире, так и закон повсеместно проник ко всем людям. Никто, взглянув на свое собственное отечество и свой родной дом, не станет отрицать сказанного мною. Следовало бы в таком случае обвинить все народы в сознательной испорченности, раз они захотели последовать самым скверным чужим вместо своих собственных прекрасных обычаев, — или уж в таком случае покончить с обвинениями и клеветой в нашу сторону. Ибо мы не имеем в виду ничего дурного, когда почитаем нашего законодателя и верим тому, что было сказано им о Боге. Ведь даже если бы мы сами не осознавали преимущества наших законов, нас бы все же убедило быть о них высокого мнения уже само бесчисленное множество тех, кто стремится им подражать.

40. (287) Впрочем, о наших законах и государственном устройстве я весьма подробно рассказал в написанном мною сочинении «О древностях». А здесь лишь в той мере, насколько это было необходимо, я еще раз напомнил об этом, не имея, впрочем, намерения оскорбить обычаи других, а свои собственные превознести, а лишь для того, чтобы изобличить всех тех, кто своими сочинениями несправедливо оклеветал нас и в своем бесстыдстве позволил себе противоречить самой истине. Я полагаю, в своем сочинении мне удалось исполнить то, что было мною обещано. Я доказал преимущественную древность нашего народа, в то время как наши обвинители смели утверждать, что он молод. Я привел многочисленные свидетельства писателей древности, которые упомянули о нас в своих сочинениях, хотя наши хулители уверяли в том, что ни единого такого писателя не существует. Кроме того, они утверждали, что египтяне являются нашими предками, мною же доказано, что они пришли в Египет из другой страны. Они лгали, что тех будто бы изгнали оттуда за телесную скверну, а оказалось, что они удалились в свою родную землю по собственной воле и в добром здравии. Также и нашему законодателю в своем злословии они приписывали самые дурные свойства, а между тем обнаружилось, что с давних пор Сам Бог, и уж после Него время выступают свидетелями его добродетели.

41. (291) О наших законах более добавить нечего. Они сами за себя говорят, наставляя не в безбожии, а в истинном благочестии, призывая не к человеконенавистничеству, а к доброму отношению между людьми; всякому беззаконию они

враждебны, заботятся о справедливости, исключают всякую праздность и любовь к роскоши, приучают к стойкости и трудолюбию, запрещают войну ради наживы, приучают уметь за них постоять, беспощадны в наказаниях и не позволяют обманывать себя на словах, но всегда требуют подтверждения делами. Так мы и поступаем всегда, что очевиднее любой буквы. Именно потому я, пожалуй, возьму на себя смелость сказать, что мы-то по большей части и стали для всех прочих народов наставниками во всяком добре и благе. Ибо что может быть прекраснее безупречного благочестия? Что более справедливо, чем само повиновение законам? Что приносит пользу большую, нежели согласие друг с другом во всем — сплоченность в несчастии и всеобщая нелюбовь к злобным распрям в благополучии, — чем способность презирать на войне смерть, а в мирное время заниматься ремеслами или земледелием и всегда и везде сознавать, что Бог видит все и проявляет заботу? Если бы у других народов обо всем том было бы написано что-то раньше, или сохранилось бы в большей неприкосновенности, чем у нас, мы были бы им весьма признательны как ученики своим учителям. Однако, если уж мы, как можно заметить, и пользуемся этими законами преимущественно перед всеми, и первенство в их изобретении, как было доказано, принадлежит нам, пусть умолкнут разные Анионы, Молоны и все сколько ни есть любителей лжи и злословия. А тебе, Эпафродит, почитающему истину превыше всего, и по твоему примеру всем тем, которые подобным образом пожелали узнать о нашем народе, да будет посвящена эта и предыдущая книги.

notes

1

В наиболее авторитетном манускрипте (codex Laurentianus — далее «L») сочинение озаглавлено Φλαιου Ιωσηπου περι αρχαιοτητος Ιουδαιων. В первичной латинской версии (далее «Lat») заглавие отсутствует. В одной из латинских версий (codex Corsinianus — далее «Cors».): Invective Josaphi contra Apionem et Molonem. У Евсевия (H.E. III, 9; Praep. eu. 361b; 458bd, 476d): Περι της Ιουδαιων (των Ιουδαιων) αρχαιοτητος. У Порфирия (De abstin. IV,11): Περι της Ιουδαιων αρχαιοτητος προς τους Ελληνας. В первом издании (далее — «ed. pr».): Φλαυιου Ιωσηπου περι αρχαιοτητος Ιουδαιων κατα Απιωνος. Краткий вариант заглавия (contra Apionem) впервые встречается у бл. Иеронима.

2

По-видимому, Эпафродит грамматик (см. Suda, «Epaphroditus», а также, вероятно: CIL 6.9454). Вольноотпущенник, патрон которого был префектом Египта и занимал видное положение при Домициане. См. RE V (5) 2711–2714 (Stein). Менее вероятно, что этим человеком был Эпафродит, вольноотпущенник Нерона, казненный не позднее 95 г. н. э. Если сочинение «Иудейские древности» вместе с приложенным к нему «Жизнеописанием» вышло ок. 93 г., то Иосиф едва ли успел бы осмыслить отклики на это произведение и отреагировать двумя книгами «Против Апиона» еще при жизни человека, которому было посвящено это сочинение (см. Т.Раджак. Иосиф Флавий. Историк и общество. — М. — Иер.:**1993**. — С. 246–247, 252, 261–262).

3

(Ιουδαικη) Αρχαιολογια — Antiquitates Judaicae — излагает историю евреев с древнейших времен до начала войны с римлянами, т. е. до 66 г. Указанные 5000 лет — приблизительный промежуток, ср. Antiquit. I.13. О вопросах датировки «Иудейских древностей» и о связи этого сочинения с «Жизнеописанием» см. Т.Раджак. с. 25–26, 261–262.

4

Ср. Plato. Tim. 22 B et C, где в похожих терминах египетский жрец толкует Солону о молодости греков. Тж. С.А. II. 192, 224.

5

εν δημοσιαις αναγραφαις — прилагательное, по всей видимости, имеет значение «государственный», «имеющий общегосударственное значение» и понимается в широком смысле.

6

Возможно, имеются в виду несколько потопов во времена Девкалиона, Огига, Дардана.

7

Herod. V, 58. «Не без труда» (μολις) — намек на постепенное складывание греческого алфавита из финикийского, о чем также говорится у Геродота.

8

Вопрос о γηματα λυγρα — Hom. Il. VI, 168.

9

Это место послужило основанием Фридриху Вольфу для гипотезы о принадлежности различных песен «Илиады» и «Одиссеи» различным рапсодам (Prolegomena ad Homerum, 1795), что придало иное звучание «гомеровскому вопросу» в новое время.

10

Кадм Милетский, автор Αττικαι Ιστοριαι в 16-ти книгах. См. RE X (7) 1476 (F.Jacoby).

11

Акусилай Аргосский причислялся некоторыми к семи мудрецам. Автор «Генеалогий» («Родословий»). См. Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989, с. 90–91. Упоминается также в Antiquit. I.3, 9. См. RE I (3) 1222–1223 (Schwartz).

12

Т. е. о небесных телах.

13

Ферекида с острова Сирос (ок. 600 г. до н. э.) также включали в число семи мудрецов. См. Фрагменты… М., 1989, с. 84–89. Согласно биографической традиции, учитель Пифагора. Суда содержит указание на то, что «он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев». См. RE XIX (2-я сер.) (3) 2409–2429 (Richard Laqueur).

14

Пифагор с острова Самос (ок. 540–500), по всей видимости, совершал путешествия в Египет и Вавилон. Ничего достоверного не известно о его сочинениях. См. Фрагменты… с. 138–149.

15

Фалес Милетский (624–546) научился геометрии у египтян. См. Фрагменты… с. 100–115. Вообще, возведение греческой мудрости к египетской (реже вавилонской или финикийской) было топосом и обыкновенно способствовало к возвеличиванию первой.

16

Гелланик из Митилены — логограф V в., современник Геродота, автор многочисленных сочинений, от которых сохранились только фрагменты. См. RE VIII (7) 104–153 (F. Jacoby).

17

Имеется в виду «Теогония» Гесиода (ок. 700 г.) Примерно о том же, что и Гесиод, писал Акусилай в «Генеалогиях», но прозой.

18

Эфор из Эолийских Ким жил в IV в., автор всеобщей истории, доведенной им до 340 г., которая послужила главным источником для Диодора Сицилийского См. RE V (1) 1—16 (Schwartz).

19

Тимей (ок. 352–256) написал историю своей родной Сицилии. Критиковался за это сочинение Полибием. См. RE VI (2-я сер.) (3) 1076–1203 (Richard Laqueur).

20

Антиох, современник Фукидида, родом из Сиракуз, автор истории Сицилии и Италии, доведенной до 424 г. См. RE I (60) 2492–2493 (Schwartz).

21

Филист также родом из Сиракуз. Жил в IV в. и написал историю Сицилии, пытаясь подражать Фукидиду, за что получил прозвище — pusillus Thucydides. См. RE XIX (2-я сер.) (3) 2409–2429 (Richard Laqueur).

22

Каллий жил в III в. в Сиракузах и написал историю сиракузского царя Агафокла в 22-х книгах. См. RE X (22) 1628–1629 (F.Jacoby).

23

Труды по древней истории и географии Аттики. См. RE II «Atthis» (3) 2180–2183 (Schwartz).

24

Драконт, первый афинский законодатель, архонт в 621 г.

25

Писистрат, афинский тиран, современник Солона, ум. в 527 г.

26

Аркадцы, полагавшие, что они древнее луны, считались автохтонами (Ср. Herod. VIII, 73).

Cp. Antiquit. I. 2.

28

Халдеи — первоначально этноним, затем название вавилонских жрецов и астрологов, в каком смысле это слово употребляется в книге пророка Даниила (Дан **2**.2, 4 и др.).

29

Как замечает Th. Reinach, Иосиф смешивает ведение списков родословий священством во время II Храма с совершенно иным способом, который предписывался книгами Ветхого Завета. Нужно помнить, что исторические книги после Пятикнижия были включены во вторую или профетическую часть еврейского канона священных книг и приписывались профетическим авторам.

30

Lev. XXI, 7–9, 13–15. Предписания относительно священнических браков строго соблюдались во все времена. Уже при Ездре (Езд **2**.61–63) и Неемии (Неем **7**.63–65) все священники, которые не могли доказать своей родословной на основании записей, не допускались к жертвоприношениям. Что эти правила соблюдались священниками в Египте и Вавилоне, сообщается также в Талмуде (Кетубот 25a). См. Jeremias J. Jerusalem in the Time of Jesus. L., 1969, p. 213 ff, также A. Buchler. Family Punty and Family Impunty in Jerusalem before A.D. 70. L., 1956, p. 68.

31

Все же принято чтение Гутпшида — εκ των αρχειων вм. имеющегося во всех списках εκ των αρχαιων (A. von Gutschmid. Kleme Schnften, IV. Leip., 1893, S. 398). Ср. Vita 3–6, где, однако, о том же сказано иначе — εν ταις δημοσιαις.

32

Антиох Епифан, сделавшись в 175 г. царем сирийским, через несколько лет после вступления на престол вторгся в Иерусалим и ограбил храм. Это вторжение, как известно, вызвало маккавейские войны.

33

Помпей в 61 г. завоевал Иерусалим после трехмесячной осады.

34

Квинтилий Вар, римский наместник в Сирии, отправился в Палестину для подавления вспыхнувшего после смерти Ирода восстания евреев против римского полководца Сабина и учинил там страшную резню.

35

Имеется в виду недавняя иудейско-римская война.

36

Все греческие манускрипты дают εκ των αρχαιων γραμματων. Также латинская версия (далее L) — (novas) ex veteribus tabulas (conficiunt). Ср. с прим. 31.

37

Ср. Antiquit. III, 276; XIII, 292; Vita 414. Это запрещение относительно священнических жен в Библии не встречается, а вырабатывается впоследствии.

Cp. Antiquit. I, 16; XX, 227.

39

Следует предположить синтаксическую неправильность в построении предложения, либо принять чтение Гутшмида, который объединяет окончание предыдущей главы с началом 8-й, что тоже в таком случае не безупречно в отношении соблюдения норм языка (использование частиц ουν и γαρ).

40

Артаксеркс наследовал Ксерксу в 465 г. У Иосифа (тж. Antiquit. XI, 184) и в Септуагинте (книга Эсфирь) идентифицируется с Агасфером.

41

H. St. J. Thackeray приводит возможный список из 13-ти книг: 1. Иисус Навин; 2.Судей Руфь; 3.книги Самуила; 4.книги Царей; 5.Летописи; 6.Езд. Неемия; 7.Эсфирь; 8.Иова; 9.Исайи; 10.Иеремии Плач; 11.Иезекииля; 12.Малые пророки; 13.Даниила.

42

1. Псалмы 2. Песнь песней 3. Притчей 4. Екклезиаста. Всего Иосиф говорит только о 22 книгах, имея в виду, безусловно, тот же объем ветхозаветных книг, но придерживаясь иного деления. Многие отцы церкви также говорят о каноне из 22 книг. В талмудической литературе 24 канонических книги упоминаются только в аморейскую эпоху. См. тж. G. Holscher. Kanonisch und Apokcryph. Ein Kapitel aus der Geschichte des alttestamentlichen Kanons. Leipz., 1905, S. 2–6, 36–38.

Имеются в виду авторы апокрифических книг.

Ср. С.А. II, 219.

Cp. Bel. Iud. I, 1 ff.

Букв. «закованным».

Bel. Iud. III, 392–408; IV, 623–629, 658. О положении Иосифа в плену и последующей жизни в Риме см. Т.Раджак. с. 206–238.

48

Какова роль «помощников» и насколько хорошо владел Иосиф неродным ему греческим языком — вопросы, не имеющие однозначного решения. См. H. St. J. Thackeray. Josephus, the Man and the Histonan. 1929; Также Т.Раджак. с. 63–64; 257–260.

Cp. Vita 361 ff.

50

Архелай, сын Хелкии и муж Мариам, сестры царя Агриппы II (Antiquit. XIX, 355; XX, 140).

51

О нем ничего не известно. Предположение Reinach'a о том, что это царь Халкис, безосновательно, поскольку последний умер еще до войны (Antiquit. XX, 104).

52

В параллельном месте (Vita 362) царь Агриппа II упомянут среди получивших книги в подарок.

53

Ср. Thuc. I, 22.

54

Ср. Antiquit. I, 5; XX, 261. В действительности перевод Иосифа сильно зависит от греческого текста Септуагинты.

Cp. Vita 342, 358.

56

Фукидид (I, 5) говорит, что до времени Миноса разбой был почетным занятием. Ср. тж. Hom. Od. III, 71 ff.

57

Подобно Иосифу, позднейшие историки Полибий и Дионисий Галикарнасский указывают на отсутствие у древних греческих писателей всяких известий о Риме. Сведения о нем начинают проникать в греческую литературу около времени Пунических войн. См. Gutschmid. op. cit. S. 416.

58

В Писании встречается упоминание о греках под именем יוָן (Iavan), т. е. ионийцы. См., напр., Быт **10**.4. Более тесные сношения евреев с греками начались со времени Александра Великого.

59

Праотец еврейского народа Авраам, как известно, происходил из Ура Халдейского. Несмотря на то, что Навуходоносор разрушил Храм, а население увел в плен, евреи чувствовали себя хорошо под владычеством вавилонян, так что только сравнительно небольшое их число воспользовалось разрешением Кира вернуться на родину.

60

Манефон жил в царствование Птолемея Филадельфа (283–246), был родом из Себеннитоса и принадлежал к касте жрецов. Составил на греческом языке историю Египта с древнейших времен до Александра Великого, дошедшую в отрывках. См. RE XIV «Manethon» 1060–1101 (1064–1080 — Манефон у Иосифа) (Richard Laqueur).

61

Ed. Meyer, Chronologic egyptienne (французский перевод), P., 1912, p. 103–139, различает несколько частей в приведенном Иосифом отрывке Манефона: п. 75–82 — подлинный отрывок Манефона; п. 83 взят из другого сочинения вместе с не принадлежащей Манефону этимологией; в отрыках п. 84–90 и п. 94—102 речь идет об одном и том же времени; второй отрывок восходит к Манефону, а первый взят из какого-то другого греческого источника, цитирующего Манефона; п. 94–97 и п. 98—102 первоначально не были объединены и также восходят к греческому опосредующему источнику; п. 232–250 аутентичны Манефону. См. тж. Meyer Ed. Geschichte des Altertums, 12. *Darmstadt, 1954, S. 12–13, 314; Schwartz J. Le «cycle de Petoubastis» et les commentaires egyptiens de l'Exode. in: Bulletin de l'Institut francais d'Archeologie Onentale, 49 (1949) p. 67–83.*

62

Thackeray: Τουτιμαιος. В тексте Niese слова «был у нас царь» отсутствуют, как у Евсевия и в латинском переводе. Niese принимает чтение του τιμαιος ονομα. По чтению, предложенному Гутшмидом (op. cit. S. 421), следует перевести так: «Тутимеос (стоит в качестве заголовка ко всему отрывку) При нем чужеземная буря разразилась и из восточных стран…».

63

Thackeray: Σαλιτις.

Все манускрипты дают εν Σαιτη, что географически невозможно. Потому стало традиционным чтение εν Σεθροιτη (издания J. G. Muller, B. Niese, Th. Reinach и H. St. J. Thackeray). P. Montet (Les nouvelles fouilles de Tanis (1929–1932). 1933» Publication de la Faculte des Lettres de Strasburg, 2-e serie, vol. 10) поддержал гипотезу о том, что Аварис то же, что Танис, и высказал предположение, что Σαιτης — эквивалент Ταιτης. Тогда более вероятно первое чтение (См. Collomp P. Manethon et le nom du nome ou fut Avaris. Rev. et. anc. 42 (1940) p. 74–85).

Город лежал недалеко от Пелузия и был местом культа бога Сета (Тифон), который считался у египтян богом зла, но у гиксосов был возведен в достоинство первого божества.

Гутшмид признает эту форму более правильной. Niese принимает чтение Βηων «L»; Banon «Армянская версия «Хроники» Евсевия» (далее «Eus.Arm».) Βνων «Юлий Африканский» (далее «J.Afr»).

Παχναν «J.Afr» Αρχαης «Manetho apud Schol. Platonis ad Tim. 21E» (далее «Schol.Pl».).

Aphosis «Eus.Arm». Αφοβις «J.Afr» Αφωφις «Schol.Pl».

Samnas «Lat» Anan «Eus.Arm». Ιανιας «ed.pr». Αννας Gutschmid.

Ases «Lat» Aseth «Eus.Arm».

Объяснение, даваемое Манефоном слову ΥΚΣΩΣ, вполне подтверждается египтологией. Встречающаяся, напр., у Евсевия форма Υκουσσες соответствует множественному числу этого слова в египетском языке.

Ed. Meyer считает, что под αλλο αντιγραφον (знач. «список», «копия») следует понимать какое-то иное грекоязычное сочинение по истории Египта, где также цитируется Манефон. В п. 91, снова говоря о пленниках, Иосиф пишет «в какой-то другой книге (βιβλω) «Истории Египта», что в таком случае также должно означать другое сочинение.

Это объяснение, как считает Meyer, не может принадлежать Манефону.

Верхний Египет и при гиксосах продолжал отчасти сохранять самостоятельность. Цари, начавшие борьбу с гиксосами, составляют 17-ю династию.

Αλισφραγμουθωσις «L» Alisfragmuthos «Lat».

76

Египетская мера площади (около 2025 или 2756 кв. м), которую Иосиф (или его греческий источник) принимает за меру длины.

Thumnosim «Lat» Θμουθοσιν «Eus. Praep». Thmosim «Eus.Arm».

Из того, что Манефон приписывает основание Иерусалима гиксосам, не следует то, что он отождествлял их с евреями.

79

Этим царем был в предыдущем отрывке Туммос. Ed. Meyer принимает это за ошибку в переписывании. Следуя Юлию Африканскому и Евсевию, первым царем, завоевавшим Аварис, был Amosis, а цари Мисфрагмутос и Туммос следовали в списке 6-м и 7-м. Этот и предыдущий отрывок были первоначально параллельны, а затем ошибочно были приняты следующими один за другим. Эта ошибка восходит не к Манефону, а к источнику-посреднику, которым пользовался Иосиф.

80

В египетских памятниках не упоминается.

81

Соответствует Аменхотепу I памятников.

Αμεσσης «L» Amenses «Eus.Arm». Αμεσση «Theoph.Ant. III, 20».

83

В памятниках не упоминается.

Mifranthusis «Lat"]' Μηθραμμουθωσις «Theoph» Μισφραγμουθωσις «J.Afr» Mephrathmuthoses «Eus.Arm».

Etmusis «Lat» Τυθμωσης «Theoph» Τουθμωσις «J.Afr» Thmothosis «Eus.Arm».

Δαμφενοφις «Theoph».

В памятниках не встречается.

88

Acenchres «Lat» Khenkheres «Eus.Arm». Αχερρης «J.Afr». В египетских памятниках не встречается, также как и три последующих царя.

Armes «Lat» Armajis «Eus.Arm».

Соответствует Рамсесу I памятников.

91

Имя этого царя упоминается здесь дважды, что, по всей видимости, ошибка.

92

Два лица слиты в одно. Сети I — отец Рамсеса Великого.

93

Маловероятно, чтобы сам Манефон говорил о Данае и Египте. Как считает Meyer, это выдает греческого автора сочинения, которым пользовался Иосиф.

В действительности от Тетмоса (Амесиса), изгнавшего чужеземцев из Египта, до Аменофиса прошло 333 года. Meyer считает, что Иосиф, не делая собственных подсчетов, позаимствовал срок 393 года из греческого источника, куда уже включено время царствования Сетоса (Рамесса). В п. 231 Иосиф приводит срок 518 лет, вторично прибавляя к сроку 393 года время правления Сетоса (59 лет), что в сумме с 66 годами правления его преемника Рамсеса дает 518 (517) лет (333595966).

Господство гиксосов продолжалось приблизительно от 1710 г. до 1580 г., т. е. за 400 лет до Троянской войны.

96

Известный из Библии тирский царь Хирам, друживший с Давидом и Соломоном (2Цар **5**.11; 3Цар **5**.1 и дал.).

97

О письмах говорится также в 2Пар **2**.11. Два письма приводятся Иосифом в Antiquit. VIII. 50–54.

98

Об этом писателе ничего не известно. Иосиф цитирует его также в Antiquit. VIII. 147.

99

По другим источникам, возможно, родом не из Эфеса, а из Пергама (Clem. Al. Strom. I. 114). Более подробных сведений не имеется. Цитируется также в Antiquit. VIII. 144.

100

Так называлась восточная часть острова, на которой был построен новый Тир, своей величиной и великолепием скоро затмивший старый город. См. Jeremias F. Tyrus bis zur Zeit Nebukadnezar"s (Diss.) Leipz. 189!. S. 48.

101

По Эвполему, это был подарок Соломона (Eus. H.E. IX, 34). Геродот (II, 44) упоминает два храма Геракла и ни одного Зевса.

102

Четвертый месяц македонского года, прибл. февраль-март.

103

Thackeray: Ιτυκαιοις. Ср. Antiquit. VIII. 146. Τιτυοις «L» Titiceos «Lat» По принятому чтению Гутшмида, жители финикийской колонии Итаки.

104

Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Metusastartus «Lat» μεθ ους ασταρτος L» Μεθουσασταρτος «Theoph» μεθ ον Ασταρτος «Eus».

105

Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Ασερυμος «L» Αθαρυμος «Theoph» Astirimos «Lat».

106

Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Βαδεζωρος «L» ο υιος αυτος Βαζωρος «Theoph» Badezodus «Lat».

107

Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Φυγμαλιου «L» Pigmalion «Lat» Physmanon «Eus.Arm».

108

Город Карфаген в Ливии был основан Элиссой, сестрой Пигмалиона, известной как Дидона.

109

Общее число лет не соответствует получающейся сумме из-за порчи цифр в тексте.

источник не известен. Ed. Meyer, Geschichte des Altertums. II*2, S. 79, n. 2, считает этот год ошибкой, также как и J. Liver (The Chronology of Tyre. IEJ, III (1953), p. 115, n. 6). В «Древностях» (VIII, 62) сказано «на одиннадцатом году». Библия сообщает о том, что Храм был построен на четвертом году царствования Соломона (3Цар 6.1). См. также Katzenstein H. J. «Is there a Synchronism between the Reigns of Hiram and Solomon?» Journal of Near Eastern Studies 24 (1965) p. 116–117.*

111

Год основания Карфагена в точности не известен и колеблется между 826 и 888 годом. Время построения Храма также не вполне определенно (XI в.).

112

По библейскому преданию (3Цар **6**.1), от исхода евреев из Египта до построения Храма прошло 480 лет, а следовательно, от вступления в Ханаанскую землю — 440 лет.

113

Antiquit. VIII. 61 ff.

114

Беросс (ок. 330–250) — жрец храма Бела в Вавилоне. Написал историю Вавилона, включавшую по меньшей мере три книги, от которой сохранились только отрывки. RE III (4) 309–316 (Schwartz). О фрагментах Берос са у Иосифа см. Galling K. Studien zur Geschichte Israels im persischen Zeitalter. Tubingen, 1964. S. 29–32.

115

Отрывок, в котором рассказывается история потопа, сохранился и обнаруживает поразительное сходство с библейским сказанием. Открытый в 1872 году известным ассириологом Дж. Смитом клинописный текст сказания о потопе согласен с рассказом Беросса в самых существенных чертах.

116

Основатель нововавилонского царства (625–605 гг.)

117

Принято чтение Thackeray'a. Niesë Ναβουκοδροσορω «L». Вавилонский царь, завоевавший Иудею и разрушивший Храм, царствовал в 605–562 гг.

118

Возм. имеются в виду события 4Цар **23**.29; 4Цар **24**.7, Иер **46**.2 и след.

119

Это место испорчено. Для слов αναγκασας («принудив»), προσχαρισαμενος («потворствовав») и κατασκευαζειν («устраивать») издатели предлагают различные варианты. См. Giangrande G. Emendations to Josephus Flavins «Contia Apionem» Classical Quarterly 12 (1962) p. 108–117 Принято чтение Гутшмида — ανακαινισας «обновив», προσκαθιδρυσαμενος «присторив» и κατασκευαζειν.

120

См. описание Вавилона — Herod. I. 178–185.

121

Женой Навуходоносора была Амитис, дочь мидийского царя Киаксара.

Напр., Ктесий (у Диадора II, 7–8).

123

Мифическая царица Ассирии, с чьим именем связано утверждение ассирийского могущества, основание Вавилона и многие грандиозные сооружения. Геродот (I. 184), по-видимому, сообщает о другой Семирамиде.

124

Этот Филострат известен только благодаря Иосифу. Тж. Antiquit. X. 228.

125

Мегасфен был направлен Селевком I Никатором послом к индийскому царю Чандрагупте (ок. 300 г.). Собрал богатый материал и написал сочинение об Индии, дошедшее в отрывках.

126

Тж. Antiquit. X. 227. Об этих походах упоминает также Евсевий (H.E. IX. 41), что, впрочем, лишено всякого исторического основания.

127

Бирс Нимруд, недалеко от Вавилона, на западе от Евфрата.

128

Рассказ об участи Набоннида расходится с данными клинописных источников.

129

В соответствии с 4Цар **25**.8 и Иер **52**.12, разрушение Храма произошло на девятнадцатом году правления Навуходоносора.

130

Время пленения отсчитано от падения Седекии (587 г.) до разрешения Кира в 1-й год царствования (538 г.) — 49 лет.

131

Это указание относится к возобновлению прерванной работы по строительству Храма (1Езд **4**.24), который был закончен только через 4 года (1Езд **6**.15).

132

Этот отрывок, возможно, также позаимствован из Менандра Эфесского.

επι θωβαλου «L Lat».

Antiquit. X. 228.

135

На самом деле 55 лет и 3 месяца. Однако, под этим периодом времени нужно разуметь не время правления тирских царей и судей, а сумму лет, протекших от разрушения Храма Навуходоносором до восстановления его при Кире, т. е. пятьдесят лет. Reinach и Gutschmid исправляют 54 на 50.

136

Начало осады Тира совпало с годом завоевания Навуходоносором Иерусалима и разрушением Храма, как видно из Иез. **26**.7:12. Этот год был девятнадцатым (по Библии) и восемнадцатым (по исчислению Иосифа) годом царствования Навуходоносора. Gutschmid предлагает чтение «семнадцать» вместо «семь».

137

Гермипп из Смирны, жил в III в., автор жизнеописаний философов, в том числе и Пифагора.

138

О нем ничего не известно.

139

Ср. Antiquit. II. 80. Возможно, намек на басню о почитании осла.

140

Все, что не относится к λιτον υδωρ пифагорейцев. У евреев подобного предписания не существует.

141

Ученик Аристотеля, ум. в 287 г. В особенности известен своими сочинениями по ботанике.

קרב Лев. 1:2, 2:5; Пс 40.7 и др. В Септуагинте δωρα См. Zeitlin S «Korban». Jew. Quart. Rev. 53 (1962—63) p. 160–163.

143

Herod. II. 104. Ср. Antiquit. VIII. 262.

144

Река в Каппадркии, впадает в Черное море.

145

Река в Пафлагонии, также впадает в Черное море.

146

Народ, живший около Черного моря, известен также под именем макрокефалов.

147

Иосиф представляет дело так, будто Геродот говорит о евреях. В сочинении последнего нигде не встречаются прямые указания относительно евреев и населяемой ими стране. Однако, если Геродот имел в виду филистимлян, которые не знали обрезания, он ошибался. Потому Иосиф, по всей видимости, прав в своем рассуждении.

148

Родом с о. Самос, современник и друг Геродота (Stiab. VII. 9 303). Известен как автор исторического эпоса о греко-персидских войнах.

149

Dornseiff F. Echtheitsfragen Antik-Griechicher Literatur. Berl., 1939, S. 67, считает, что отрывок подлинный, однако, маловероятно, что имеются в виду евреи. У позднейших писателей зачастую Ιερουσολυμα употребляется в сокращенной форме Σολυμα, что явилось причиной сопоставления упоминаемых у Гомера солимов, жителей Малой Азии (Od. 5. 283), с евреями (ср. Tac. Hist. V, 2). Также описание воинов не может быть отнесено к евреям, которым запрещалось коротко стричься (Лев. **19**.27, Иер **9**.26). Возможно, в приведенной цитате имеются в виду эфиопы (ср. Herod. VII. 70).

150

Родом из города Солы на Кипре, автор многих несохранившихся сочинений. О подлинности приведенного отрывка см. Schuhl P.-M. «Sur un fragment de Clearque. Les premiers rapports entre savants grecs et juifs». Rev. hist. rel. 147 (1955) p. 124–126; а также Lewy H. «Aristotle and the Jewish Sage According to Clearchus of Soli». Harv. Theol. Rev. 31 (1938) p. 205–235.

151

Каланом звали гимнософиста, который последовал из Индии за Александром и сжег себя заживо навиду у его армии (Plut. Alex. 65 etc.).

152

В Мизии, ок. 347–344 г.

153

Гекатей из фракийского города Абдеры, известен как автор нескольких исторических сочинений, в том числе одного по истории Египта. Ему также приписывали сочинение «Об иудеях», в подлинности которого сомневались уже в древности (Orig. Contra Celsum I. 15). Однако, вопрос не имеет однозначного решения. Вполне вероятно, что некоторые отрывки (в том числе и те, которыми воспользовался Иосиф) подлинны. См. Lewy H. «Hecataios von Abdera περι Ιουδαιων». Zeitschr. neutest. Wiss. 31 (1932) S. 117–132, Dornseiff Fr. Echtheitsfragen… Berl. 1939, S. 56–57; Schaller B. «Hecataios von Abdera uber die Juden. Zur Frage der Echtheit und der Datierung». Zeitschr. neutest. Wiss. 54 (1963) S. 15–31.

154

Птолемей I Сотер, основатель династии, умер в 283 г.

155

Кастор с о. Родос, историк и хронограф, жил во II в.

156

Александр Великий умер в 323 г. Битва при Газе произошла в 312 г.

157

Об этом первосвященнике ничего не известно. Thackeray считает, что слово αρχιερευς, употребленное без артикля, может и не означать первосвященника по официальному статусу. В то время первосвященником был Ония (ср. Antiquit. XI. 347).

158

Смысл этой фразы не вполне ясен. Дан один из возможных переводов.

159

Cp. Arrian. Exp. Alex. VII. 17; Strab. XVI. 1. 5, 738.

Здесь, очевидно, персы смешиваются с вавилонянами.

161

Только в Галилее во время Иосифа было 204 города и деревни (Vita 235).

162

Преувеличение, поскольку окружность города составляла всего лишь 33 стадии.

163

Речь идет о стене, окружавшей храмовую гору, которая лежала в восточной части города.

Если это показание верно, тогда жертвенник второго Храма был таких же размеров, что и Храма Соломона (2Пар 4.1; тж. 1Ездр. 3.3).

165

Кадильный жертвенник, предназначенный для воскурений (Исх **30**.1).

Имеется в виду храмовая стража, состоявшая из священников.

167

Агатархид родом из Книда, II в., автор исторических сочинений, в том числе «Истории диадохов». RE I (3) 739–740 (Schwartz).

168

Стратоника, дочь Антиоха I (Сотера) и жена Деметрия II Македонского. См. Strab. 16, 749, тж. биографию Деметрия Плутарха.

169

Происходил из Кардии Херсонесской и занимал при Александре Великом, Антигоне и Селевке должность полемарха. Написал историю Диадохов, жизнеописание Александра Великого и воспоминания. RE VIII (10) 1540–1560 (F. Jacoby).

То есть, в Сирии и Иудее. В юности он был даже надзирателем при работах по добыванию асфальта на Мертвом море (Diod. 19, 100).

171

Определенных сведений об этом писателе нет.

172

Под этим именем известно несколько греческих авторов. Один из них, происходивший из Тарса, написал историю Фригии на финикийском языке, которая затем была переведена на греческий язык (Clem. Strom. I. 326). У Евсевия (Praep. ev. IX, 22) упоминается другой Феодот, написавший сатиру на евреев. RE X (2 сер.) (20) 1958.

173

Географ Мнасей, II в. Оставил описание Азии и Европы. RE XXX (6) 2250–2252 (Laqueur).

174

Возможно, имеется в виду грамматик Аристофан Византийский, живший ок. 260 г. RE II (14) 994—1005.

175

Возможно, ритор из Тарса, живший ок. 161 г. RE VIII (22) 865–867 (Radermacher).

176

Происходил из сицилийского города Мессаны, жил в IV в. RE VI (3) 952–972 (Jacoby).

177

Известный мифограф I в. Жил в Риме во времена Цезаря и Октавиана, написал 50 рассказов легендарного характера. RE XXII (2 сер.) (9) 1335–1338.

178

Составитель лексикона, грамматик, нач. I в. н.э Его труды вошли отчасти в словарь Суды. RE XIX (2 сер.) (3) 765 (Ziegler).

179

Известный государственный человек и ученый, живший в конце IV в. Написал много исторических и риторических сочинений, принимал деятельное участие в основании александрийской библиотеки. RE IV (85) 2817–2841.

180

Еврейский ученый, вероятно, из Византия, живший в III в. Занимался историей, написал книгу об иудейских царях, об осадных орудиях и сочинение по механике. См. RE XXXIX (46) 51–52 (Laqueur).

181

Жил во II в. Написал сочинение о евреях в Ассирии, о пророчествах Илии, об иудейских царях. Об упоминаемых здесь писателях Иосиф, по всей видимости, узнал из вторичных источников и, возможно, уже после написания книги — из сочинений Николая Дамасского или Александра Полигистора или из бесед со своими римскими друзьями, как считает Thackeray. Reinach придерживается мнения, что этими сведениями Иосиф обязан только Александру Полигистору.

То есть, греческих городов-государств.

183

Феопомп с о. Хиос, родился около 380 г., ученик Исократа, историк. В конце жизни был вынужден удалиться в Египет, к царю Птолемею, которым был принят крайне недружелюбно.

184

Автор книги Λακωνικα, жил в Афинах и был противником Исократа.

185

Также Τρικαρανος, памфлет против Афин, Спарты и Фив, написанный Анаксименом из Лампсака, который искусно имитировал стиль Феопомпа и послал списки в эти города, чем окончательно дискредитировал Феопомпа (Paus. VI. 18. 3).

186

См. примечание 19.

187

О приводимом здесь отрывке Манефона см. Montet P. «Le Roi Amenophis et les Impurs» Rev. et. anc. 42 (1940) p. 263–269.

188

Поскольку у Юлия Африканского указаны сроки правления этого царя, Ed. Meyer видит в этом доказательство того, что Иосиф пользовался вторичным источником, а не самим Манефоном. В приводимом отрывке, по его мнению, аутентичны пп. 232–251. См. Ed. Meyer. Chronologie egyptienne. P., 1912, p. 120–127.

189

О вычислениях Иосифа см. прим. 96.

Иосиф несправедлив в своих упреках, поскольку Манефон недвусмысленно разделил два изгнания из Египта — гиксосов, которые основали Иерусалим, и прокаженных, союзниками которых стали потомки гиксосов.

Тетмос, то есть Туммос — п. 88.

В гл. 15 этот царь упоминается под именем Армаис.

193

Идентификация с Аменофисом, при котором произошло второе изгнание, сомнительна, но Иосиф не прав, называя его выдуманным Манефон упомянул трех царей с этим именем (п. 95–97). Иосиф идентифицирует этого царя с Аменофисом IV. Reinach, однако, считает, что Манефон имел в виду Аменофиса III (п. 97).

194

9-й царь XVIII династии. Возможно, смешивается с богом Гором.

195

Досл. «стать созерцателем (θεατην) богов». Вряд ли имеет значение физического созерцания, на которое направлены дальнейшие насмешки Иосифа.

196

Приближенный Аменофиса III, чья статуя с надписью была открыта Mariette (Maspero. Histoire ancienne, II, P., 1897, p. 299, 448.) У Фотия (Bibl. 166) упоминается жрец по имени Паапис. Niesë Παπιος.

197

Herod. II, 8.

198

G. Giangrande, «Emendations to Josephus Flavius» Clas. Quart. 12 (1962) p. 112, вместо не совсем понятного места και προσθεμενον ει πειν предлагает και προσθεμενων ειπειν в конструкции «независимый родительный» без логического подлежащего. Принято все же первое чтение, как в editio princeps.

199

См. гл. 15, прим. 66.

200

Город к востоку от Мемфиса, знаменитый своим храмом в честь бога солнца. Жрецы Гелиополя славились своей ученостью (ср. Herod. II. 3).

201

Странное выражение в устах Иосифа, повторяющееся в п. 263, если принять во втором случае чтение Niese.

202

Указания на один день нет в цитированном отрывке Манефона.

ιππεας «L Lat».

204

Пелузий лежал в Нижнем Египте на восточном рукаве Нила. Будучи ключом к Египту, город неоднократно был свидетелем военных действий (Herod. II. 141; III. 10; Diod. 15. 42, 16, 48; Plut. Anton. 74; Liv. 45. 11).

205

Reinach считает, что в этом месте необходимо признать лакуну в тексте, поскольку вывод неполный и итог аргумента без окончания.

Этимология этого слова не вполне ясна. В тексте Μωυσην. Употребляется также форма Μωσης. Более правильной может считаться первая, если придерживаться египетской этимологии (Исх 2.10) — «спасенный из воды». Вторая может соответствовать причастию действительного залога от глагола משה — «спасающий», «извлекающий». Созвучие египетского и древнееврейского корней создает игру слов, которая объединяет оба смысла.

207

Жил в I в. н. э. Стоический философ, библиотекарь в Александрии, воспитатель Нерона. Кроме других работ, написал историю Египта иероглифическим письмом.

208

Изида была покровительницей сновидений. Ее жрецы занимались толкованием снов.

209

Thackeray: Φριτοβαυτην «L».

Μεσσηνην «ed. pr».

То есть Манефона и Херемона.

212

Явное противоречие с тем, что сказано у Херемона.

213

Александрийский писатель, о котором почти ничего не известно. Жил позже, чем Мнасей (II в.).

214

Царь из XIV династии, VIII в. Апион приурочивает исход к царствованию этого фараона, также как и Тацит (Hist. V. 3). Иосиф приписывает этому царю более раннюю дату.

215

См. Tacit. Hist. V. 3. Об оракуле Аммона см. Herod. I. 46; II. 83.

216

G. Giangrande, «Emendations…», согласен с Niese, который считает, что инфинитив будущего времени καταξειν не может употребляться в целевой конструкции. Так или иначе, смысл от этого существенно не меняется.

Прежде всего эти меры должны были обезопасить их от нападения диких зверей.

218

Кроме Апиона, Тацит (Hist. V. 5), Justin. (XXXVI. 2) и Diod. (XL. 1) упрекают евреев в беспощадной жестокости.

219

ιερος «святой» и συλαν «грабить». Также ιεροσυλεω «грабить храмы».

220

Ср. библейские предписания о благорасположении даже к египтянину (Втор **23**.7), о справедливости к чужеземцам (Лев. **24**.22; Втор **15**.15).

221

Апион, сын Плейстоника, родился около 30 г. до н. э. в Верхнем Египте. Учился в Александрии и преподавал риторику в Риме при императорах Тиберии, Калигуле и Клавдии. Во время Калигулы он возглавлял антииудейское посольство из Александрии к императору и был противником Филона. Известен также своими интерпретациями к Гомеру. Написал историю Египта в пяти книгах, которые содержали нападки на евреев. Об отдельной работе о евреях ничего доподлинно не известно. RE I (3) 2803–2806 (Cohn).

Thackeray считает, что это слово употреблено здесь в официальном смысле — «от египетских старейшин». Ниже, в этой же главе это слово объясняется Иосифом иначе.

Т.е. Гелиополь.

Это место сильно испорчено. Смысл не совсем ясен. См. Reinach, Th. Notes sur le second livre du Contre Apion de Joseph. Gedenkbuch zur Erinn. an David Kaufmann. Breslau, 1900. p. 13–15.

225

Herod. II. 111.

В этих словах Апион, очевидно, обвинял Моисея в нововведениях и нарушении традиций.

227

Молон, называемый также Аполлонием Молоном, происходил из карийского города Алабанды. Преподавал риторику на Родосе и в Риме. Цезарь и Цицерон были его учениками. Кроме того написал несколько исторических сочинений, в которых сообщил, по Иосифу, немало ложных сведений о евреях. RE II «Apollonios» (85) 141–144.

То есть в 752 или 751 году.

229

См. C.A. I. 126.

230

Также в Antiquit. XX. 230. В Antiquit. VIII. 61 Иосиф говорит о периоде в 592 г. Библейское указание (3Цар **6**.1) — 480 лет.

231

В 34 главе I книги Лисимах не указывает число изгнанных из Египта.

232

Об этимологии и сопоставлении этих слов см. Scheller M. «Σαββω und σαββαττωσις» Glotta 34 (1955) S. 298–300. Правильную этимологию слова суббота от глагола שבת Иосиф дает в конце этой главы.

233

Принято чтение, предложенное G. Giangiandë вместо παντες, которое относится к придаточному предложению («сражаясь все вместе») — παντες в начале главного предложения («вообще»).

Другие писатели, более авторитетные, также давали неверные этимологии этого слова. Лактанций (VII. 14) — от שבע (семь), Плутарх (Symp. IV. 6) и Тацит (Hist. V. 5) указывали на родство этого слова с именем бога Сабасиоса, одного из эпитетов бога Диониса.

235

См. Levy I. «Notes d'histoire et d'epigraphique» Rev. et. juiv. 41 (1900) p. 174–195.

236

Имеется в виду большой Оазис, лежащий в Верхнем Египте и называемый Геродотом (III. 26) «город Оазис» (в переводе «остров Блаженных»). По сообщению Страбона, оазисы также служили местом ссылки преступников (II. 130; XVII. 790). Возможно, в этом причина того, что Апион стыдился своей родины.

237

В восточной части города, где нет бухты. Апион, возможно, указывает на то, что евреи занимали в Александрии самую неудобную часть города, вдали от гавани, где нет ни заливов, ни пристаней. Иосиф не понимает этого замечания Апиона, или делает вид.

238

Ср. Bel. Iud. II. 18. 7: «Что же касается Александрии, то здесь борьба между местными жителями и евреями существовала еще со времен Александра, который, найдя евреев готовыми оказывать ему содействие в борьбе с египтянами, вознаградил их за союзничество тем, что дал возможность проживать в городе, располагая такими же правами, как и греки. Они удержали это отличие и при его преемниках, которые сверх того еще и отделили им особую часть города, чтобы евреи могли, не смешиваясь с иноземцами, сохранять в чистоте собственный образ жизни; наконец, им позволили именовать себя македонцами. Когда же Египтом завладели римляне, ни первый Цезарь, ни его преемники ни в чем не уменьшили права, данные евреям во времена Александра».

«Город мертвых», так называлась местность к юго-западу от более возвышенной части города, известной под именем Ρακωτις. Западная сторона города считалась более аристократической. А в северо-восточной его части Βρουχειον недалеко от царского дворца, стадиона и гимназия располагался еврейский квартал.

240

Это предложение Thackeray помещает впереди двух предыдущих предложений.

241

Имеется в виду Юлий Цезарь, хотя эпитет «великий» обычно прилагается Иосифом к Помпею.

242

Селевк I Никатор, род. ок. 353 г.

243

Право именоваться римскими гражданами.

Египтяне могли получать право римского гражданства, только став предварительно александрийскими гражданами (См. Plin. Epist. X. 4, 5; XII. 22, 23).

245

Известно, что несколько еврейских гарнизонов были в Египте. Из пятой главы можно заключить, что имелась в виду охрана речных устьев. Еврейский гарнизон упомянут в Bel. lud. I. 141, тж. Antiquit. XIV. 133.

Киренские евреи во время Суллы составляли один из четырех классов населения (Antiquit. XIV. 115).

247

Птолемей II Филадельф, сын Птолемея Лага, вступил на престол в 283 г.

См. С. Ар. I. 218.

249

О нем ничего не известно, кроме упоминания Иосифа.

250

Известен как автор сочинения об иудеях. Что он был телохранителем Птолемея Филадельфа, известно только из этого упоминания.

251

Это указание взято из письма Аристея к его брату Филократу, пересказанного Иосифом в Antiquit. XII. 12. Недостоверность сообщаемых в нем сведений не подлежит сомнению. Тж. Philo. De vita Mos. 2.

252

В тексте φιλοσοφιαν.

253

Птолемей III (Благодетель) царствовал с 246 по 221 г.

Сам факт принесения завоевателем жертвы чужеземному богу ни о чем не говорит (ср. 3Мак **1**.9). Однако, расположение Птолемея III к евреям не подлежит сомнению.

255

Птолемей VI Филометор правил от 181 до 145 г. Был женат на своей сестре Клеопатре IV. При нем Финикия и Палестина принадлежали Сирии. Евреев, бежавших от преследований Антиоха Епифана, принимали в Египте радушно.

Отождествляется с Онией IV, основателем храма близ Леонтополя, сыном первосвященника Онии III. Возможно, насмешку над его именем следует полагать в созвучии с греческим ονος («осел»), но имя Ония семитского происхождения.

Возможно, к нему относится упоминание 2Мак **12**.19:35.

258

После смерти Филометора в 146 г. его вдова Клеопатра провозгласила царем их малолетнего сына Птолемея VIII. Брат умершего царя Птолемей VII (Евергет II Фискон) был вызван из Кирены александрийцами, убил своего малолетнего соперника и вступил на престол, женившись на овдовевшей царице, своей сестре.

259

Thackeray подвергает сомнению отождествление этого человека с легатом Люцием Термом, посланным в Египет для восстановления там порядка (Polyb. frag. XXXIII. 5).

Отсюда и до начала девятой главы сохранился только латинский перевод.

261

Согласно 3Мак **5**.1; и 3Мак **6**.1, виновником этого злодеяния выступает не Птолемей VII, а Птолемей IV Трифон. Об этом эпизоде см. Willrich H. «Der historische Kern des III. Makkabaerbuches» Hermes, 39 (1904) S. 244–258.

262

Ср. 3Мак **6**.35 и дал.

263

Клеопатра VII, дочь Птолемея XI Авлета, правившая Египтом от 51 до 30 г. Каталог ее преступлений Иосиф также приводит в Antiquit. XV. 89 ff.

Reinach считает, что латинский переводчик не всегда правильно понимал греческий текст. Вместо «которые ее любили», возможно, «и ее возлюбленные».

265

Была убита Антонием по приказу Клеопатры в храме Артемиды в Эфесе (Antiquit. XV. 89) или в Милете (App. Bel. Civ. V. 9).

266

Птолемей XV, младший из братьев, ее муж и соправитель. Возможно, был отравлен ею в Риме ок. 44 г.

267

См. Plut. Caes. 9.

Вместо demens возможно dejiciens «отвергая».

269

Это место явно неправильно истолковано латинским переводчиком. Reinach восстанавливает возможный греческий текст так: ει δυναται αυτην (вм. αυτους, т. е. евреев) αυτοχειρ φονευειν.

В таком контексте это предложение лишено всякого смысла. Конец этой главы более подходит для него. Однако, Thackeray считает, что Иосиф говорит о вине Клеопатры в том, что «нет хлеба на столе».

271

Юлий Цезарь был благодарен евреям за поддержку, оказанную ему при покорении Египта во время так называемой александрийской войны. Идумейский аристократ, приближенный первосвященника Гиркана Антипатр включил в состав войска, посланного на помощь Цезарю Митридатом, около 3000 евреев (Bel. lud. I. 187 ff; Antiquit. XIV. 127 ff). За эту помощь Цезарь разрешил евреям восстановить стены Иерусалима. Октавиан также дружелюбно относился к евреям.

Племянник Тиберия, в 19 г. посетил Египет и сделал важные нововведения в администрации города, в частности снизил цены на зерно (Tac. Ann. II. 59).

273

Латинский текст неясен. Дан дословный перевод.

О разногласиях египтян по религиозным вопросам упоминали многие авторы (Herod. II. 42; Strab. XVII. 1; Juvenal. Sat. XV. 33). Плутарх (De Iside, 72) рассказывает даже о кровопролитных стычках.

275

Иосиф, возможно, имеет в виду приказ Калигулы воздвигнуть свою статую в Иерусалимском Храме (Antiquit. XVIII. 261 ff) и ту роль, которую играл Апион в посольстве к императору в это время.

В соответствии с Bel. lud. II. 197, два раза в день.

277

Согласно Филону (Leg. ad Caium, 157), жертвоприношения были установлены первоначально на счет самого императора. См. тж. Clark K. W. «Worship in the Jerusalem Temple after A.D. 70» New Test. Stud. 6 (1966) p. 269–280.

278

Посидоний из Апамеи, ок. 135—51, известный стоик, философ и историк, друг Помпея и Цицерона.

Cp. Tac. Hist. V. 3 f.

См. тж. Antiquit. XII. 4.

281

Впервые упоминание о культе осла встречается у Посидония, затем у Аполлония Молона, Аниона, Плутарха, Диодора Сицилийского, Тацита и некоего Демокрита (в Суде). Осел был первым атрибутом главного божества гиксосов и пользовался у них большим почетом. У евреев (Исх **13**.13; Исх **34**.20) считался животным нечистым.

282

Слово furonibus непонятно. Дан перевод как у Thackeray'a.

283

Niese считает, что это Антиох VII Благочестивый (Pius). Вероятно, у Иосифа было все же θεος по причине путания с Антиохом II (Dius или Theos) — Antiquit. XIII. 218.

Известна его ненависть к евреям. Под его влиянием и Посидоний, вероятно, издал свои памфлеты.

285

В 54–53 г. был наместником в Сирии и разграбил Иерусалимский Храм (Antiquit. XIV. 105 ff).

286

Тит окончательно завладел имуществом храма в 70 г.

287

Деньги понадобились Антиоху Епифану в его борьбе с Египтом.

Полибий, 214–122 г., был автором дошедшей в отрывках всеобщей истории в 40 книгах. Иосиф имеет в виду к. XXVI. 10.

289

Страбон, 66 до н. э. — 24 н. э., известный географ и автор недошедшей истории: Иосиф часто ссылается на него в сочинении «О древностях».

290

Жил во времена императора Августа, был приближенным царя Ирода Великого, занимая при нем должность историографа. Часто цитируемый Иосифом его исторический труд состоял из 144 книг, которые дошли в отрывках.

291

Историк I в. до н. э., труды которого Иосиф знал по цитатам у Страбона.

292

См. прим. 163 первой книги сочинения.

293

Жил во II в. до н. э. Автор исторического сочинения «Хроника» в стихах и работы по греческой мифологии.

294

Со времен Гомера бесстыдство собаки вошло в пословицу (Il. I. 159; VI. 344; VIII. 299).

Апион, Посидоний и Аполлоний Молон.

viscera — все, кроме кожи, костей и крови.

297

Этот рассказ впервые встречается у Апиона. Он послужил источником для последующих обвинений евреев в ритуальных убийствах. Характерно то, что в качестве жертвы фигурирует именно грек. Об этом см. Halevy J. «Le culte d'une tete d'ane» Rev. sem. II (1903) p. 154–164. Gutmann J. Eine antisemitische Erfindung am Ende des zweiten Tempels. Zijunim. Berl., 1929. S. 181–185.

Reinach, предполагая лакуну после этих слов, вставляет сюда полностью 10 главу.

299

Niese предполагает здесь лакуну.

300

Одно из немногочисленных указаний на устройство Храма, построенного Иродом Великим около 20 г. до н. э. Также Bel. lud. V. 5 и Antiquit. XV. 11. и в Талмуде (Миддот, 2, 3).

301

В других местах Иосиф упоминает деление на 24 священнических семейства (Vita 2; Antiqut. VII. 365 f), о чем упоминается в 1Пар **24**.7—11. Существует предположение, что с Ездрою и Неемией вернулось из Вавилона в Иерусалим только четыре семейства, которые по жребию разделились на 24 смены. Но некоторые издатели исправляют четыре на двадцать четыре.

302

Имеются в виду хлебы предложения.

303

Niese вместо (adjiciens fabulae) inania facta читает Mnaseam. Thackeray принимает эту конъектуру. В таком случае, все сказанное ниже приписывается Мнасею (C. Ap. I. 216), а не греку, обнаруженному в храме.

304

Кроме этого упоминания у Иосифа, об этом человеке ничего более не известно.

305

Дор, город на побережье Палестины, в древности был резиденцией хананейский царей. Ранее принадлежал Финикии.

306

Конец лакуны в «L». Далее до конца сочинения сохранился греческий текст.

307

Один из главных пяти городов земли филистимлян, в противоположной стороне относительно Дора.

Niesë της Ιουδαιας.

309

Вероятно, имеется в виду праздник Ханука в воспоминание о победе Иуды Маккавея над Лисием и об очищении осквернённого Храма. Ср. 1Мак **4**.52–59; Antiquit. XII. 325.

310

Величина ворот самим Иосифом определялась различно (ср. Bel. lud. V. 202). Ввиду испорченности текста величина в 60 локтей подвергается сомнению.

311

В Bel. lud. VI. 293 говорится о 20 человеках, которые запирали восточные ворота внутреннего двора. Иосиф имеет в виду общее число людей для запирания всех десяти ворот Храма.

312

При Селевкидах евреи действительно были крайне враждебны ко всему греческому и к самим грекам.

313

То есть Александрия.

314

По сообщению Плутарха (De Iside, 72), египетские боги бежали от гнева Тифона и спаслись, превратившись в животных.

315

Персидские цари составляли XXVII династию от Камбиза до Дария Нота. Самыми жестокими царями были Камбиз, Артаксеркс I, Дарий II Нот.

316

Принято чтение G. Giangrande, «Emendations to Josephus Flavius» Clas. Quart. 12 (1962) p. 115: ων εν ακροις (πρωτοις) ονοματα вместо ων ενα Κροισον. Niese также ставит это место под сомнение.

317

Сожжение Акрополя Ксерксом в 480 г. См. Herod. VIII. 53.

318

Храм Артемиды, по преданию, сожжен Герострато́м в ночь рождения Александра Великого.

319

Несколько раз горел в 548–547 гг.

320

См. Herod. II. 111.

321

Время несколько преувеличено: от освобождения Иерусалима от сирийцев Иудою Маккавеем (165 г.) до прихода Помпея в 63 г. прошло 102 года. В это время Иудея была свободна и даже подчинила себе Идумею.

Однако, по сообщению Геродота (II. 47), египтяне приносили в жертву свиней в день полнолуния, а после жертвоприношения вкушали свинину.

323

Принято чтение Thackeray'ä εις υν θυει, вместо εις συνθυει «L Lat». Ср. Herod. II. 37, 47, 104.

324

Herod. II. 104. Подобно всем прочим семитам, евреи переняли обычай обрезания от египтян. Финикийцы его не знали.

325

В этом месте текст сомнителен.

326

Жил по преданию в середине VII в. и вероятно первым дал писаные законы, особенно в отношении равномерности распределения имущества.

327

До Гесиода (Theog. 66, 417) слово νομος не встречается. У Гомера — θεμισθες и θεσμος со значением устного постановления.

Апион относит дату рождения Моисея к VIII в.

329

По чтению Niesë «что наставник и руководитель его Сам Бог».

330

По преданию, критский царь Минос получил законы от своего отца Зевса, который здесь ошибочно назван Аполлоном.

331

Этот термин встречается здесь впервые и создан Иосифом. См. Kautzsch E. Biblische Theologie des Alten Testaments. Tubingen, 1911. S. 57–59.

332

В тексте:...ο μεν λογων διδασκαλικος, ετεποσ δε ο δια της ασκη σεως των εθων.

333

Ср. Philo. De opif. mundi, 1, где содержится похвала Моисею за то, что он избежал крайностей других законодателей.

334

Установление общественных чтений закона по субботам Иосиф приписывает Моисею, следуя раввинистической традиции (Talm. Jer. Megilla, IV. 1). Тж. см. Antiquit. XVI. 43; Philo. De opif. mundi, 128. Второзаконие требует этого всего лишь раз в семь лет в праздник Кущей (Втор **31**.10–13). Этот обычай устанавливается с введением синагог.

335

Παρεδροι были приставлены к афинским архонтам, римские наместники имели официальных наблюдателей.

Слова Иосифа имеют долю истины, если учесть, что имя включало в себя целый ряд предков.

Имеются в виду скептики. (? — «Р.Х».)

Эпикурейцы.

339

О том же говорится в отрывке Гекатея (Diod. Sic. XL sub finem), который Иосиф, возможно, имел в виду.

340

Согласно Втор **25**.2, приговор исполнялся не самим священнослужителем, а особым сторожем в суде или при Храме. Священник должен был при этом только присутствовать.

341

Пословица, в точном виде у Аристотеля (Eth. Nic. IX. 3, 3).

342

Иосиф не упоминает храм Онии в Леонтополе, хотя несколько раз говорит о нем в «Древностях».

343

Дан перевод по тексту, сохранившемуся у Евсевия в чуть более обширной редакции.

Этого предложения нет у Евсевия. Однако Niese считает его обязательным.

345

В Ветхом завете об этом не сказано прямо (Мал 2.15), но раввинистическая литература обладает на этот счет весьма определенными указаниями.

Niese считает это интерполяцией. Ср. Быт 3.16.

347

Нигде в ветхозаветных книгах не предписана моногамия. Так, у патриархов было единовременно несколько жен. Лишь в 1030 году вормский раввинский съезд издал постановление, в силу которого евреи, живущие среди христиан, должны соблюдать моногамию.

Пятикнижие не дает на этот счет никаких указаний. Отношение различных народов к этому вопросу различно. Греки не считали грехом уничтожение зародыша в матке (Arist. Polit. VII. 16), у римлян (Cic. Pro cluen. II) и у германцев (Tac. Germ. 19) наоборот.

349

Разработанное Платоном в диалоге «Федон» представление о теле как темнице души. Тж. Bel. lud. II. 8, 7; VII. 8, 7.

350

Дан перевод на основании текста, приведенного у Евсевия.

351

Чис **19**.11; 14; 18. Истолкование, которое дает Иосиф этому обряду, эмоционального свойства.

352

Нет в Пятикнижии.

353

Niese сомневается в принадлежности этого места Иосифу.

Имеются в виду прозелиты.

355

Об этом в Пятикнижии не сказано.

Об этом в Законе ничего не сказано.

Возможно, имеется в виду кастрация животных (Лев. 22.24).

358

В Законе этого нет.

359

G. Giangrande «Emendations to Josephus Flavius» Clas. Quart. 12 (1962) p. 117, вместо слов επι δουλοις предполагает чтение επιβουλοις, т. е. «к злоумышляющим».

Как на состязаниях в Олимпии.

361

Как на Немейских и Истмийских играх.

362

О бессмертии души Иосиф говорит также в Bel. lud. III. 374 и Antiquit. XVIII. 14.

363

Niese не уверен в подлинности этого места.

Cp. Diog. Laert. III. 24.

Plat. Tim. 28c.

Законодательство Ликурга оставалось действенным в продолжении приблизительно четырех веков, до начала пелопоннесской войны.

То есть от Моисея до Тита.

То есть илотов.

Имеется в виду битва при Сфактерии (Thuc. IV. 38).

370

Ср. перевод LXX (Исх 22.28) — θεους ου κακολογησεις. Тж. Antiquit. IV. 207 и Phil. Vita Mos. II. 205; De spec. leg. I. 53.

Ср. Hom. Il. 1, 399, XIV. 247; XV. 18 и др.

Cp. Cic. De nat. deor. I. 30 (83): Iovem semper barbatum, Apollinem semper imbirbem.

Гефест.

Афина.

375

Apec.

Аполлон и Артемида.

377

Hom. Il. V. 335 ff; 375 ff.

378

Зевс и его смертные возлюбленные Даная, Ио, Лето, Семела.

Hom. Odyss. 8, 266–368.

380

Hom. Il. XIV. 312 ff.

Посейдон и Аполлон (Hom. Il. XXI. 442 ff; Apollod. XXI. 448 ff).

Феб (Hom. Il XXI. 448).

383

Титаны.

Niese считает это интерполяцией.

Также, вероятно, интерполяция.

Plato. Rep. III. 398A.

Cp. Aristobulus ap. Eus. Praep. ev. XIII. 12.

Именно это, как ни странно, оставляется Платоном без внимания.

389

Plato. Legg. XII. 949E ff.

Ср. Strabo, XVII, 1 и Diod. Sic. fr. XL, 1.

391

Принято чтение Niese. (εφασκε)ν η διαπαιζων вместо νη Δια παιζων.

392

Ок. 499–427 г. Своим спасение обязан Периклу.

393

Современник Александра Великого, был известен как безбожник.

394

Протагор из Абдеры, V в., один из известнейших греческих софистов. Его сочинения были публично сожжены.

395

Ср. Plut. Demost. 41F. Пострадали за это жрицы Нинус и Феорида.

Фраза не совсем ясна. В латинской версии переводчик совсем опустил ее. Другой вариант: «Потому афинское государство и погибло».

397

Происходил из царского рода, отправился в Грецию, чтобы послушать Солона, и преуспел в философии. Желая по возвращении ввести у себя на родине греческие культы, поплатился за это жизнью (Herod. IV. 76).

398

Об этом персидском обычае см. Herod. VI. 32. Также из сообщения Геродота (VIII. 105) можно заключить, что обычай кастрирования мальчиков был распространенным среди греков уже в глубокой древности.

Преувеличение, однако см. Лев. **22**.24.

Согласно Лисию (De caede Erat. VII. 14) и Demosth. Cont. nearch. 1367, за подобные преступления налагалась пеня.

401

По еврейскому законодательству виновный навсегда терял право развода.

402

Аристобул находил следы празднования субботы даже у Гомера и Гесиода и указывал на то, что Платон почерпнул свое учение из книг Моисея (Eus. Praep. ev. XIII. 12).

403

Геродот упоминает об обычае египтян поститься в известных случаях (II. 40; IV. 186).

404

См. о подобных афинских празднествах Herod. VI. 105 и Paus. I. 30.

405

Возможно, им. в виду прозелиты, которые естественно исполняли требования закона. См. Bialoblocki S. Die Beziehungen des Judentums zu Proselyten und Proselytentum. Berl., 1938, S. 31.